

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

ХРОНИКИ МАЙОРА КОРСАКОВА

ТОМ 3

КНИГА
ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОРАБОТАННОЕ АВТОРОМ

Москва, 2017

Илья Деревянко

Хроники майора Корсакова.
Том 3. Книга первая

«СИЛК-ПРЕСС»

2004-2010

Деревянко И.

Хроники майора Корсакова. Том 3. Книга первая /
И. Деревянко — «СИЛК-ПРЕСС», 2004-2010

ISBN 978-5-6040077-4-7

Капитан ФСБ Дмитрий Корсаков – настоящий профессионал. Он в совершенстве владеет рукопашным боем, холодным и огнестрельным оружием. В обычной жизни добродушный парень, в экстремальной ситуации он мгновенно становится идеальной боевой машиной, безжалостной к врагам. И врагов этих великое множество! Но Корсаков с ними не церемонится, и для каждого у него найдется свой метод борьбы... «...Из темного, беззвездного неба сочился нудный морозящий дождик. В свете уличных фонарей тускло поблескивали лужи на асфальте. Прелегающая вдоль парка дорога была пустынна, если не считать одинокой фигуры в милицейской форме, которая, заметно пошатываясь и грузно шлепая по влажной мостовой, целеустремленно брела вперед. Это местный участковый лейтенант Кашин возвращался домой после планового обхода вверенного ему участка. При ближайшем рассмотрении Вячеслав Кашин сильно напоминал свинью в очках, по какому-то недоразумению вставшую на задние ноги, обретшую дар речи и решившую притвориться стражем порядка. Настолько сильно, что казалось, участковый вот-вот захрюкает. Казенный мундир едва не трескался на приземистой, жирной туше. Нос-пяточок сопливо пошмыгивал. Крохотные глазки блаженно жмурились. Из красного, мокрого рта за версту разило свежим перегаром...»

ISBN 978-5-6040077-4-7

© Деревянко И., 2004-2010
© СИЛК-ПРЕСС, 2004-2010

Содержание

Пропуск в ад	6
Пролог	6
Глава I	9
Глава II	13
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	24
Глава VI	27
Глава VII	31
Глава VIII	35
Эпилог	38
Штрафники	40
Пролог	41
Глава I	45
Глава II	49
Глава III	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Илья Деревянко

Хроники майора Корсакова.

Том 3. Книга первая

Пропуск в ад

Пролог

Все имена, фамилии, прозвища действующих лиц, равно как и названия городов, улиц, фирм, увеселительных заведений и т. д., вымышлены. Любые совпадения случайны.

25 апреля 2006 г. Г. Н-ск. 9 часов вечера

– Здравствуй, милый!

– Привет, дорогая! – Александр Малышев приобнял за плечи жену, поцеловал ее пухлые губы и потянул носом воздух в сторону кухни: – Борщ?!

– Да, твой любимый – по-хохлятски, – белозубо улыбнулась Анна. – А на десерт, мр-р-р... – Она недвусмысленно качнула полными бедрами.

– Ар-р-р-р! – хищно отреагировал Александр, ушипнув жену за упругую попку. – Начнем, пожалуй, с «десерта».

– Не спеши, любимый, – зазывно блеснула глазами женщина, – дождемся, пока Олечка уснет, и тогда – по полной программе!

– Ну ладно, как скажешь...

Разувшись, переодевшись и помыв руки, Малышев прошел на кухню, уселся за стол и принялся с аппетитом поглощать борщ: дымящийся, ароматный, со сметаной, щедро сдобренный ломтиками сала.

– Как на работе? – спросила жена, вынимая из духовки противень с мясным пирогом.

– Отлично, – пробурчал Александр с набитым ртом. – Еще пару дней, и размотаю это дело.

– Ты у меня гений! – улыбнулась Анна. – Настоящий Шерлок Холмс!

– Да нет, я вполне серьезно. – Малышев отложил ложку в сторону. – Они думали – всяк подсунули. И я, признаться честно, так считал поначалу. Однако сегодня утром нащупал интереснейшую ниточку, слегка потянул за нее и... Эй, ты куда?

– Совсем забыла. Надо долг соседке вернуть. Не волнуйся, я скоро. – Супруга вышла в коридор. Негромко хлопнула входная дверь.

«Хороша, bestия! – подумал Александр, возвращаясь к борщу. – И вообще, не жена, а настоящий клад – умница, красавица, с высшим образованием и... и просто прелесть! Полгода назад получила высокооплачиваемую работу, но не оборзела в отличие от большинства баб. По-прежнему содержит квартиру в идеальной чистоте, стирает, прекрасно готовит. Все успевает и выглядит, как кинозвезда! Ну где еще такую найдешь?!»

Поглощенный приятными мыслями, он не расслышал тихих, крадущихся шагов за спиной. И лишь в последний момент инстинктивно почуял неладное, хотел обернуться, но не успел. На затылок обрушился тяжелый удар. Перед глазами взорвался ослепительно-белый шар. Тело обмякло, перестало слушаться, и следующий удар, сильнее прежнего, швырнул его на пол вместе со стулом.

– Папа!!! Па-поч-ка-а-а!!! – послышался отчаянный крик семилетней дочурки. – Па... – крик прервался, сменившись горловым бульканьем.

– Ты-ы?!!! – сквозь сгущающийся мрак Малышев рассмотрел до боли знакомое лицо. – Нет, не верю!!! Это не... – Окровавленный кухонный нож с размаху вонзился ему в грудь. Равнодушно глянув на дергающиеся в агонии тела (мужское и детское), убийца принялся быстро, грамотно уничтожать улики...

* * *

Из милицкого рапорта

«...майор Убойного отдела Малышев Александр Степанович был обнаружен мертвым на кухне в собственной квартире. По заключению судмедэксперта смерть наступила в результате ножевого ранения сердца. Предварительно Малышева оглушили двумя ударами чугунной сковородки сзади по черепу. И на первом, и на втором орудиях преступления отсутствуют какие-либо отпечатки пальцев. У порога на кухню (телом в коридор) найдена дочь Малышева Ольга 1999 года рождения, с перерезанным от уха до уха горлом. Предположительно она убита тем же ножом, что и ее отец... Опергруппу вызвала по телефону жена Малышева Анна Викторовна 1978 года рождения. Женщина находилась в истерике, рыдала, билась головой о стену. Тем не менее нам удалось выяснить следующее: примерно с 21.10 до 21.30 она отлучилась в соседний подъезд отдать долг знакомой, которой не оказалось дома. А дверь по рассеянности оставила незапертой, чем, очевидно, и воспользовался убийца. По завершении опроса Малышева потеряла сознание, и ее увезли в больницу в предынфарктном состоянии...»

* * *

Из приказа генерала ФСБ Маркова полковнику ФСБ Рябову. 1 мая 2006 г. Совершенно секретно.

«Вчера в различных частях города и при различных обстоятельствах убиты два офицера Генерального штаба (звания, имена, фамилии) и крупный ученый-ядерник (фамилия, имя, отчество). По мнению вышестоящего руководства, это не может быть случайным совпадением. Вероятно, мы имеем дело с очередными кознями зарубежных коллег. Приказываю Вашему отделу незамедлительно заняться расследованием вышеуказанных преступлений. А также советую связаться с Убойным отделом МВД. Они давно подозревают наличие в городе некой тайной организации убийц, работающей по заказам, но по своей методике коренным образом отличающейся от традиционных киллеров. По словам начальника Убойного отдела (звание, фамилия, имя, отчество), последней их жертвой по линии МВД стал майор милиции Александр Малышев, занимавшийся этим делом и вроде бы почти подобранный к «организации». Если предположить, что такая структура действительно существует, то иностранная разведка(ки) гипотетически могла(ли) использовать ее в своих целях. Поэтому

рекомендую Вашим сотрудникам внимательно изучить собранные Убойным отделом материалы. Кроме того (далее целый ряд уточняющих деталей и руководящих указаний)...»

Глава I

2 мая 2006 г. Здание ФСБ на Лукьянской площади. Кабинет полковника Рябова. 10 часов утра

– В принципе идея не нова. – Шеф похлопал ладонью по кипе уголовных дел, возвышающейся возле стола. – Вспомните Клода Ланцмана, Сопункова, Барского и иже с ними (см. «Карта смерти»)… Они тоже, помимо прочего, выполняли заказы иностранных разведок. Правда, несколько в ином ключе. А посему – предположение начальства кажется мне вполне разумным. И расследование стоит начать именно с милицеских наработок. Твое мнение, Корсаков?

Я неопределенно пожал плечами, мол, «наше дело телячье. С чего прикажете, с того и начнем».

– Вы правы, – ответил вместо меня Сибирцев. – Однако перелопатить всю эту грудку… Б-р-р! – Костя зябко поежился. – Да и толку-то будет мизер! Мы ж с Димой не аналитики, а простые «волкодавы». Сюда бы Альбертыча. Он, думаю, смог бы разобраться в ЭТОМ. – Майор недружелюбно покосился на кипу. – Отыскал бы определенную закономерность, напал на след. Или нюхом учуял злодеев, как прошлым летом в Сарафанове (см. «Царство страха»)… Но наш гениальный эскулап куда-то пропал. Уже неделю ни слуху ни духу. С ним часом ничего не случилось?!

– Случилось, – улыбнулся Рябов. – Только не плохое, а хорошее. Ильин сейчас в Серпухове, в Высоцком мужском монастыре. Отправился туда паломником от пьянства лечиться. Вчера звонил мне с мобильного. Вернется на службу послезавтра.

– Альбертыч пить завязывает. Слава Богу! – перекрестился я. – А то последнее время на него смотреть страшно было!

– А подождать до его приезда никак нельзя? – Костя с тоской взглянул на кипу.

– Нет! – отрезал Владимир Анатольевич и, смягчив тон, добавил: – Вам, ребята, необязательно изучать ВСЕ. Начните со «свежака», с убийства майора Малышева. Ознакомьтесь с последним делом, которое он вел. Просмотрите записную книжку покойного, пообщайтесь с супругой. (Ее вчера выписали из больницы.) Незадолго до смерти Малышев говорил сослуживцам, что нащупал некую «ниточку», ведущую к таинственным убийцам. Быть может, и вам удастся ее зацепить?! Тогда не потребуются напрягать Альбертыча! Пускай старик отдохнет после лечения.

– Правильно, – поддакнул я и мысленно представил Ильина: изможденного строгим постом, суровым монастырским уставом, почти круглосуточной молитвой и едва держащегося на ногах от усталости.

– Вот, возьмите. – Рябов протянул нам средних размеров папку и небольшую книжицу в кожаном переплете. – А мне, – он бросил взгляд на часы, – пора на встречу с руководством…

* * *

Последним делом, над которым работал Малышев, было убийство крупного предпринимателя Андрея Луцкого, в 90-х годах больше известного, как главарь П-ской преступной группировки по прозвищу «Окунь». В 2000 году Луцкий отошел от откровенного криминала, заделался «хозяйствующим субъектом», а боевиков частично распустил, частично зачислил в свою службу безопасности. Легальный бизнес Окуня представлял собой сеть кафе-закусочных, два десятка залов с игровыми автоматами и три завода по производству алкогольных напитков. Семейное положение – трижды разведен. Имеет (вернее, имел) кучу любовниц.

Прикончили его в ночь на 19 апреля на квартире одной из них. Взорам оперативников предстала жуткая картина: пятидесятилетний донжуан буквально плавал в собственной крови. Ему ловко перерезали сонные артерии небольшим, но острым ножиком для чистки фруктов. А вот с пассивей Окуня (некоей Машей Жданкиной) обошлись куда более бесцеремонно: ей вдребезги расколошматили череп тяжелой каминной кочергой. Какие-либо отпечатки пальцев на орудиях преступления отсутствовали. И еще – в протоколе осмотра места преступления указывалось «По некоторым косвенным признакам (далее – их краткий перечень)... в постели незадолго до убийства обоих потерпевших находился кто-то третий». На полях приписка рукой Малышева: «Групповуха? Очень похоже! Тогда что: ревность или заказ?!»

А в записной книжке майора удалось обнаружить две краткие записи относительно данного дела:

24.04.06. Убийство Жданкиной – типично бабский стиль. Или стиль пассивного педика. Короче – обоих угрожала вторая любовница (или любовник) Окуня. Установить личность, хотя бы приблизительно.

25.04.06. Эврика! «Альфа-К»!!! Открывается в девять часов. Проверить руководство. Аккуратно расспросить А.

– Слушай, а ведь он впрямь напал на след, – сказал Сибирцев. – Неизвестно КАК, но напал. Однозначно!

– Нам бы еще ту самую ниточку зацепить, – проворчал я.

– А ты до сих пор не понял?! – изумился Костя. – Да вот же, смотри! – Он ткнул пальцем во вторую запись: – «Альфа-К» – ночной клуб с достаточно дурной репутацией». Действительно, «Эврика!»

– «Альфа», говоришь. – Я быстро прокрутил в памяти названия злых заведений города. – Да, есть такой. Расположен на Ленинградском шоссе, если не ошибаюсь. Правда, на вывеске у них значится «Альфа-К...». И открывается он в 21.00. А тут написано в 9 часов.

– Дим, ну не придирайся ты к мелочам, – с укоризной вздохнул Сибирцев. – Подумаешь, три точки мужик забыл поставить! А 21.00 – это и есть 9! Девять часов вечера! Ты лучше осмысли главное – знаешь, кому принадлежит клуб?

Я наморщил лоб, пытаюсь припомнить:

– Какому-то армянину?

– Армянин в прошлом, – покачал головой Костя. – В январе клуб сменил хозяина. Отныне им владеет некий господин Лисянский, «частный предприниматель», в недавнем прошлом широко известный криминальный авторитет Могила.

– Батюшки святы! – ахнул я. – Неужто тот самый урод?!

– Ага, он, – утвердительно кивнул Сибирцев.

– Ну-у-у, тогда да... Тогда конечно, – протянул я, – сомневаться больше не приходится...

Криминальный авторитет Могила был хорошо известен своей патологической жесткостью, неразборчивостью в средствах и какой-то невероятной непотопляемостью. За все время его преступной карьеры Лисянского ни разу не привлекли к уголовной ответственности. Хотя, по самым скромным подсчетам, за ним числилось не менее трех десятков трупов. (Большей частью зверски изуродованных.) В Н-ске едва ли не в открытую говорили, что Могила промышляет вымогательством, похищением людей с целью выкупа, шантажом, работорговлей и даже заказными убийствами. Тем не менее жил себе злодей да в ус не дул! Справедливости ради следует отметить – на Лисянского заводили пять или шесть уголовных дел, однако до суда ни одно не дошло. Либо свидетели бесследно исчезнут (в лучшем случае откажутся от прежних показаний), либо вещдоки мистическим образом дематериализуются,

либо состав преступления рассосется сам собой и т. д. и т. п. То ли этому мерзавцу сам черт помогал, то ли Могила имел бо-ольшую волосатую лапу в «органах», то ли он был подлинным мастером по даче взяток. А скорее – и то, и другое, и третье, вместе взятые. В 2000-м, как и большинство подобных типов, Лисянский легализовался, стал «хозяйствующим субъектом». Но привычек молодости, надо думать, не оставил...

Да-а-а! Такой субъект как нельзя лучше подходит на роль профессора Мариарти 21-го столетия!..

– Сегодня же навестим голубчика и конкретно возьмем за задницу, – заявил я. – Другие предложения есть?

– Никак нет! – шутовски отчеканил Костя. – Голосую «за» обеими руками. Но до вечера у нас уйма времени. Чем займемся?

– Вдова Малышева, – напомнил я. – Шеф велел с ней пообщаться. Жалко, конечно, беспокоить несчастную, убитую горем женщину, но... приказ есть приказ. Будь он неладен!..

* * *

Покойный майор Малышев проживал при жизни в южной части города, на улице Пацаева, в белой кирпичной пятиэтажке. В квадратном, покрытом молодой травкой дворе играли в мяч ребятишки, судачили на лавочках старушки и мирно ворковали голуби. Правда, сию идиллию изрядно портили две опухшие растрепанные бабы (лет тридцати-пятидесяти), распивавшие в детской песочнице бутылку водки и закусывающие какой-то гадостью. В перерывах между глотками они активно общались, поминая нехорошими словами «мужей-козлов» и умильно величая друг дружку Танек и Лизок. Брезгливо обогнув представительниц «прекрасного пола» на отдыхе, мы подошли к подъезду номер четыре (домофона на двери не было), поднялись на третий этаж и позвонили в квартиру № 52. Нам открыла молодая высокая женщина с роскошной фигурой и пышными каштановыми волосами, облаченная в черный шелковый халатик.

– Мы из прокуратуры, – вежливо представился Сибирцев.

– Да, да, пожалуйста, – даже не спросив удостоверений, тихо сказала она и устало прошла в небольшую уютную гостиную. Первое, что бросилось нам в глаза – две цветные фотографии в траурных рамках: мужа в свадебном костюме и семилетней дочки – смеющейся, с розовыми бантами в волосах. Перехватив наши взгляды, женщина громко всхлипнула, достала из кармана тюбик «Фенозепам» и высыпала на ладонь две крупные таблетки по 2,5 мг каждая.

Я поспешно схватил со стола графин с водой и наполнил стакан.

– Спасибо, – прошептала Малышева, запивая транквилизатор. Зубы ее лязгали о стекло. Рука сильно дрожала.

– Присядьте, пожалуйста, – засуетился Костя, за локоть подводя вдову к креслу. – Не беспокойтесь, мы не отнимем у Вас много времени.

– Я слушаю. – Голос Анны Викторовны звучал ровно, безжизненно. Но в красивых с поволокой глазах отражалась такая душевная мука, что становилось не по себе. Мы начали осторожно задавать вопросы. Женщина отвечала с готовностью, не задумываясь, однако чувствовалось, что каждое слово дается ей с огромной болью...

Да, муж говорил о каком-то успехе в работе над последним делом. Каким именно? Она не вслушивалась, была поглощена домашними заботами. Нет, о ночном клубе «Альфа-К...» он вроде не упоминал. А может, просто пропустила мимо ушей? Ни Могила, ни Лисянский ей не знакомы. А вот об Окуне она однажды слышала от Саши. Это, наверное, бандит?.. Нет, никого конкретно она не подозревает. Правда, в тот самый день, когда она спускалась по лестнице, у окна спиной к ней стоял мужчина с незажженной сигаретой в руке. Описать? Ну-

у, плотный такой, широкоплечий, светлые волосы, подстриженные «ежиком». Одет в обтягивающую, черную водолазку и джинсы. Оружие? Нет, точно не было!.. К тому же, если он убийца... то оружие... – Малышева зарыдала навзрыд.

Вспомнив об обстоятельствах гибели ее близких, мы невольно поежились, рассыпались в извинениях и на цыпочках покинули квартиру.

– А ведь, похоже, она видела убийцу, – шепнул мне на лестнице Сибирцев. – Вот посмотри – он ждал на лестнице, а когда Малышева ушла отдавать долг, оставив дверь незапертой, воспользовался этим и...

– А чего, собственно, он ждал? – перебил я. – У моря погоды?! Он же не мог знать, что жена майора отправится в соседний подъезд и, главное, КОГДА отправится! А уж на незапертую дверь он тем более не мог рассчитывать.

– Ты подозреваешь вдову в соучастии?! – удивленно глянул на меня Костя.

– Да нет, конечно, – вздохнул я. – Она по-настоящему раздавлена горем. ТАК притворяться невозможно! Но в то же время что-то мне здесь не дает покоя. Вот только не пойму ЧТО!

– Ты просто не с той ноги встал, – покачал головой Сибирцев, – вредничаешь по любому поводу. Абсолютно все подвергаешь сомнению.

– Возможно, – не стал спорить я.

– А насчет таинственного мужика... Гм!!! Ты часом не забыл, какой везунчик наш Могила?! К тому же мы не знаем многих обстоятельств, которые наверняка прояснили бы ситуацию!

– Согласен, – кивнул я. – С утра мне действительно как-то не того...

При выходе из подъезда нас с ходу оглушил яростный пронзительный полувизг-полурок. Танек таскала Лизка за волосы и с ненавистью пинала ногами. Та тоже в долгу не оставалась. Рядом валялась недопитая (грамм пятьдесят на доньшке) бутылка с завинченной пробкой, очевидно, и ставшая причиной конфликта. В процессе схватки подруги грязно матерились и награждали друг дружку красочными прозвищами, самым приличным из которых было «зассыха блевотная».

Сибирцева передернуло.

– И это женщины? – с горечью сказал он. – Чьи-то матери, чьи-то жены... О Господи!!! Куда мир катится?!!...

Глава II

Ночной клуб «Альфа-К...» располагался в доме № 53 по Ленинградскому шоссе и даже внешне напоминал притон довольно низкого пошиба: облупившаяся краска на стенах, замызганные фонари, покрытая грязными разводами вывеска. Чистоту тут явно не уважали. И публика в клубе собиралась соответствующая. В этом мы убедились, когда отпустили таксиста и, заплатив за вход, проникли в главный зал. Спертый дымный воздух, замызганные скатерти, грязный пол, вульгарно покрашенные шлюхи...

С кухни доносились не слишком приятные запахи прогорклого жира и подгоревшего мяса. А мужчины делились на три категории: плохо выбритые любители «зеленого змия», бледные испитые типы с лихорадочными глазами (очевидно, наркоманы) и надменные, прилично одетые уголовники. Надо думать – здешняя элита.

Судя по всему, метр (с физиономией Квазимодо) отнес нас с Костей к третьей категории, изобразил на страхолюдной роже подобие улыбки и подвел к отдельному, двухместному столику с относительно чистой скатертью. Повинуясь его знаку, к нам приблизился пожилой официант с помятым лицом.

– Кайф? Бухло? Девочек? – лаконично осведомился он.

– Ведро чифиря и двух пидорасов, – вспомнив анекдот про зэка в ресторане, проворчал я.

– Ага, шутка! – поразмыслив секунд тридцать, догадался халдей.

– Правильно. Сообразительный ты наш, – усмехнулся я. – А пожрать у вас тут разве не полагается?

– Что?

– Ну, типа, закусить.

– Значит, бухло, – подытожил он. – Чего предпочитаете: пиво, водку, вино, коньяк, шампанское?

– Давай водку, только не паленую. И зажевать – мяса там, салата. Короче, сам сообрази, – распорядился Костя.

– Заказ будет готов минут через десять. А вы пока покурите, посмотрите эстрадную программу, – не спеша удаляясь, посоветовал официант. Эстрадная программа представляла собой волосатого расхристанного мужика, испещренного наколками. Остервенело брэнча на гитаре, он сиплым голосом распевал похабные частушки. А вокруг него приплясывали не в такт пять голых девиц не первой свежести.

– Перекур, – по прошествии пятнадцати минут объявил он, отложил гитару и, не тронувшись с места, запыхтел «косяком» с анашой. Девушки перемигнулись, спрыгнули со сцены и куда-то удалились.

– Ужин наш запаздывает, – констатировал я. – Зато специализация клуба понятна – проституция и открытое распространение наркотиков... Странно! Обычно тайные организации убийц стараются не дразнить понапрасну «органы». Насколько мне известно по опыту – все они внешне на редкость респектабельны.

– В любом правиле бывают исключения, – философски заметил Сибирцев. – Вспомни репутацию Могилы! Что он мокрушник – однозначно. А наглости господину Лисянскому не занимать. Везучести тоже.

– Так-то оно так, – нехотя согласился я. – Но как-то оно все... Ладно! Твои предложения по изъятию сего милого дядечки из его логова с целью последующего наркодопроса?! (Днем, готовясь к проведению операции, мы не выработали конкретного плана пленения Могилы и решили действовать экспромтом, исходя из обстоятельств).

– Хамы они тут все, – задумчиво молвил Костя. – Таков, вероятно, здешний стиль поведения. А раз так – и нам церемониться не стоит.

– ??!!

– Сейчас увидишь.

Еще минуты через три вернулся вразвалочку наш официант с подносом в руках и водрузил на стол пузатый графин водки, два бокала, большую миску оливье и подозрительного вида жаркое.

– Секи сюда, – поманил его пальцем Сибирцев. – У нас срочное дело к Могиле.

– К кому?!!

– К твоему шефу, болван! – рявкнул Костя, одновременно сунув в карман засаленного фрака пятисотрублевку.

– Ну-у-у, даже не знаю, – замялся халдей.

Сибирцев без лишних слов добавил еще одну купюру.

– Хорошо, – сдался официант. – Схожу, доложу. Вас позовут, – и быстро (не то что раньше!) скрылся из зала.

Тем временем местный эстрадник завершил перекур и вновь загорланил частушки, хихикая и кривляясь как обезьяна. (Очевидно, под воздействием наркотика.) А подтанцовка тоже, видимо, «перекурившая» (а может, ширнувшаяся?), стала выделять совсем уж неприличные па.

– Свинюшник, – гадливо скривился я. – Надо ж, блин, почти в центре города!

– Это вы спрашивали шефа? – громоподобно прозвучало в ушах. Рядом стояли незаметно приблизившихся два широкоплечих молодчика в темных костюмах.

– Ну, мы, – важно ответил Сибирцев.

– Пойдемте. Нам приказали проводить вас к нему.

– А далеко идти?

– Нет, его кабинет рядом, на первом этаже.

«Начинаются приключения, – подумал я, нащупывая в кармане рукоять пистолета. – Ребята с виду вежливые, но... чует сердце, будет веселье! Глаза их выдают с потрохами. Нда-а! Жаль, бронежилеты надеть поленились!»

– Готовность номер один, – подал я Косте условный сигнал. Он понимающе опустил веки и первым поднялся из-за стола...

Мои подозрения полностью оправдались. Едва мы миновали зал и зашли в тускло освещенный холл с несколькими дверями в стенах, «гориллы» мигом отбросили напускную вежливость. Один ухватил меня за грудки здоровенной лапищей, а другой приставил к Костиному горлу нож.

– Попался, падла! – торжествующе пробасил первый. – Ща кончим твоего дружка, а ты с нами малость пооткровенничаешь...

Не знаю, почему для допроса выбрали именно меня. Может, просто наобум. А может, сочли более слабым в моральном отношении? Но в любом случае они допустили грубую, непоправимую ошибку. Если бы глотку собирались резать мне, я бы, возможно, пощадил «резуна». Ну, сломал бы ему пару конечностей в воспитательных целях. А вот Костя... У него последнее время проблемы в семье. Жена стервозничает, от рук отбилась. Он стал очень нервный, несдержанный. Постоянно срывается по пустякам. Вот и сейчас...

– Ар-кх-х-х-х-х, – послышался сдавленный предсмертный хрип. Умело перехватив руку «второго», майор Сибирцев приемом боевого самбо всадил ему в туловище его же собственный нож.

– А-а-у-у-у! – отчаянно взвыл мой визави, попавшийся на болевой захват. – У-у-у-ат-пу-у-у-сти-и-и-и!!!

– Закрой варежку, чмо, – посоветовал я, легонько стукнув бандита в артерию, питающую кровью мозжечок. Он тут же заткнулся, обмяк и, похоже, выпал из реальности.

Тихо скрипнула открываемая дверь.

– Закройся трупом! – крикнул я Сибирцеву, а сам плотно прижал к себе осоловевшего пленника.

– Т-р-р-р! – прошелестела очередь из бесшумного оружия. Часть пуль попала в Костин «щит», часть в мой. Стрелял вышедший из какой-то комнаты третий боевик – толстый, горбоносый, небритый.

– Держи!! – хором рявкнули мы, с силой швырнув в него обоих мертвецов. Попали точно. Не удержавшись на ногах, толстяк упал на пол, придавленный сразу двумя кровотокающими телами. Падая, он выронил оружие. Подоспевший первым Костя быстро подхватил «стечкин» с глушителем и сунул дымящийся ствол в лицо горбоносому.

– Завалю на хрен! – бешено прохрипел он.

– Ну, ну, братишка, не горячись, – примирительно сказал я. – Вдруг хмырина окажется нам полезен? Короче, не стреляй пока...

Как вы поняли, началась обычная игра в доброго и злого дядю. Игра эта стара как мир, но до сих пор срабатывает безотказно. (Надо лишь момент подходящий улучшить, да психотип «ломаемого» правильно определить.) Мы с Сибирцевым не раз в нее «играли». Работа у нас такая. Вот только раньше роль «злого» всегда доставалась мне.

– Я пригожусь! Пригожусь! – на удивление тонким голосом пропищал толстяк. – Все что угодно! Клянусь!

Сибирцев, с явной неохотой, отвел ствол.

– Где Могила? – жестко спросил я. – Считаю до трех: раз...

– На деловой встрече, принимает товар! – поспешно выпалил бандит.

– Наркотики, небось? – прищурился я.

– Нет, их получили вчера.

– Тогда что?

– Добровольицу. Она будет главной героиней в жестком порнофильме с участием животных!

– Проститутку?

– Нет, – горбоносый позволил себе чуть усмехнуться, – приличная девушка из пресловутого «среднего класса».

– Ты решил пудрить нам мозги?! – взревел Костя, ткнув ему в зубы дулом «стечкина». – Ладно, блин!!! Тогда твои мозги я с удовольствием вышибу! – Палец майора начал выдавливать слабинку спускового крючка.

В последний момент я успел перехватить руку разъяренного товарища, и бесшумная очередь врзалась в деревянную стену. Толстяк мгновенно обгадился со страху.

– Я не пудрю! – воняя экскрементами, завизжал он. – Я говорю чистую правду! Не убивайте!!!

– Ну, хорошо. Где происходит приемка «товара»? – спросил я.

– В зверинце! Там... и-ик... содержатся специально дрессированные собаки, козлы, павианы...

– Она закоренелая наркоманка, – догадался остывший Костя. – И с ней расплачиваются героином... или кокаином. Правильно?

– Не-е-ет! – с ужасом глядя на «злого дядю», выдавил пленник. – Я сам ничего там не пойму...

...Чв-пр-р...

– Ой! – содержимое его штанов вновь пополнилось. Запах дерьма резко усилился.

– Ты успокойся, – отодвинув в сторону Сибирцева и забрав у него «стечкин», – сказал я. – Давай потолкуем нормально, без истерик. Итак, доброволица не проститутка, не наркоманка, не нищая. Так?

– Так, – уныло подтвердил горбоносый.

– Психически нормальная? Не из дурдома?

– Нет. Я встречал потом некоторых на улицах. С солидными мужиками. На дорогих иномарках...

– И сколько ей платят за сие безобразие?

– Лично ей ничего! – Пленник с надеждой воззрился на меня. – Матерью клянусь! «Актрису» приводит какой-то человек, получает у Лисянского деньги и уходит. Женщина остается и сама, без принуждения раздевается. Сперва ее трахают наши ребята в масках, потом животные. Все снимается на камеру. А после она приводит себя в порядок, одевается и спокойно уходит. Даже денег на такси не берет. Видать, своих хватает.

– Бре-ед!!! Сплошное сумасшествие!!! – пробормотал Костя.

– Слишком долго болтаем, – раздраженно поморщился я. – Где зверинец, толстый?!

– В подвале клуба, в дальнем конце.

– Охрана по пути есть?

– Да.

– Много?

– Человек пять-шесть.

– Веди!!! – пинком ноги в бок я предложил «языку» подняться. – Да, еще, штаны помемняй. С тобой рядом находиться тошно!!!

Глава III

Сменные брюки толстяку (которого, как выяснилось, звали Артуром) пришлось позаимствовать у одного из убитых «горилл». А именно у того, кем ваш покорный слуга прикрывался от пуль. Штаны другого, зарезанного Сибирцевым, оказались слишком сильно залиты кровью. Связав переодевшемуся Артуру руки за спиной его собственным брючным ремнем, я грубо ткнул толстяка дулом «ПСС» между лопаток:

– Веди, падла. И смотри, без глупостей. Иначе – сам понимаешь!..

Но пленник, похоже, не собирался выкидывать никаких фокусов. Судя по всему, он полностью сломался, потух глазами, сильно сутулился. Отвечал на вопросы тихо, невыразительно. Первоначальная истерика и дикий ужас сменились тупой покорностью судьбе. Он привел нас в комнату № 4 (все остальные пустовали, мы специально проверили), указал подбородком на подобие домофонной панели и продиктовал код. Я набрал комбинацию цифр. Половина стены бесшумно сдвинулась в сторону, открыв проход в хорошо освещенный коридор, метров через двадцать резко сворачивающий налево под прямым углом.

– За поворотом два охранника. Стерегут кабину лифта, – шепотом пояснил Артур.

– Дим, посторожи засранца. – Костя вынул из крепления на ноге боевой нож, тенью скользнул вперед и, спустя секунды, скрылся за поворотом. Послышалась короткая, приглушенная возня. Сибирцев вновь появился в поле зрения и приглашающе махнул рукой. Дескать: «Путь свободен». Горе-охранники были мертвы и остаточно агонизировали в лужах собственной крови. Одному Костя перерезал горло, а другому вогнал нож в подключичную артерию. Увидав их, Артур побледнел и скорчился в приступе рвоты.

– Прекрати, – пнул его Костя коленом в зад. – А то составишь им компанию!

– Следующие два на выходе из лифта? – уточнил я.

– Да-да-да, – с трудом разогнувшись, простонал пленник.

– Дай им знать о своем появлении. Помнишь, что говорить?

– Да, да!

– Тогда действуй.

Толстяк набрал номер на местном телефоне.

– Членистоногий к шефу, – дождавшись ответа, сказал он в трубку.

«Ни фиги себе кликуха», – мысленно удивился я.

– Ты один? – донеслось из мощной мембраны.

– Нет, с нарядом легавых! Они сегодня вместо павианов работать будут.

– Гы-гы-гы! – заржали на противоположном конце провода. – Поторопитесь! Съёмки вот-вот начнутся!

– Ага, уже бегу. – Артур повесил трубку. – Получилось, – заискивающе обратился он ко мне. – Они забыли позвать одного из здешних ребят, чтобы тот подтвердил: «Все в порядке».

В следующую секунду телефон на тумбочке зазвонил – длинно, требовательно, настойчиво.

– Вспомнили, блин! А пост не отвечает. Значит, что-то стряслось, – проворчал Сибирцев, заходя в кабину лифта. – Если не совсем дебилы, то возьмут кабину на прицел. Патроны в патронниках, пальцы на спусковых крючках... Н-да-а! Гладко было на бумаге, да забыли про овраги!!!

– Не каркай, – оборвал товарища я, – сработаем на упреждение.

– Думаешь, успеем?

– Есть одна идея. – Подмигнув напарнику, я нажал кнопку «подвал» и, когда двери раздвинулись, с силой толкнул Артура на двух изготовившихся к стрельбе секьюрити. Как

я и рассчитывал, они инстинктивно всадили первые пули в него. И... тут же умерли сами, сраженные нашими с Костей выстрелами.

– Минус четыре, – констатировал Сибирцев. – Остается один или два. По словам Членистонного, – он коснулся ногой мертвого Артура, – где-то у входа в зверинец... Интересно, а откуда у него такое прозвище?

– Да без разницы, – отмахнулся я. – Пускай чертям об этом рассказывает...

От площадки с лифтом расходилось в разные стороны несколько коридоров. Из среднего тянуло характерным, тяжелым запахом. По нему-то нам и предстояло пройти. По счастью, коридор был извилистым, с тусклыми лампочками под потолком, что значительно повышало наши шансы. (А вот если бы прямой, как стрела, да ярко освещенный – тогда вилы! Мы бы десятка метров пройти не сумели.)

– С Богом! – перекрестился я и первым шагнул в коридор. Секьюрити, охранявшие площадку, пользовались бесшумным оружием, и я рассчитывал, что оставшиеся до сих пор не подозревают о приближении врагов. Так оно и оказалось. В конце коридора, возле железной двери, мы увидели трех (!) мордovorотов, вооруженных «АКСУ» без глушителей. А ведь грамотно задумано! Стоит хоть одному стрельнуть – Могила получит предупреждение об опасности и успеет смыться. Одного лишь не учел господин Лисянский – лености и халатности своих «быков». Они, надо думать, надеялись на предыдущие посты, а посему «положили на службу с прибором». Расселись на табуретках вокруг тумбочки с телефоном, сам аппарат (дабы не мешал) поставили на пол и азартно сражались в подкидного дурака. Автоматы висели за спинами, дулами вниз. Дверь, которую они стерегли, была не заперта. (Сквозь щель просачивалась полоска яркого света.) Ну, раз так, то пленные нам без надобности!

П-ф-ф... п-ф-ф... п-ф-ф... – сработали наши «ПСС». Нерадивые стражи, получив по пуле в голову, умерли мгновенно. Двое тихо сползли на пол, а вот третий, гад, повалился прямо на тумбочку и с грохотом обрушил ее.

– Теперь давай быстро! – шепнул я, бегом устремляясь к заветной двери.

За ней находилось обширное, зловонное помещение со сводчатым потолком, разделенное на три отсека. В одном содержалась большая часть животных, выглядевших достаточно спокойно. В другом бесновались на цепях козел и павиан, очевидно, напичканные возбуждателем. Третий представлял собой съемочную площадку, декорированную под комнату в «новорусском» особняке и освещенную несколькими юпитерами. На ней переминался с ноги на ногу лысый мужичонка с цифровой видеокамерой, сидел за столом Лисянский (при взгляде на него я обомлел!), похотливо перешептывались два прыщавых типа и... стояла очень красивая, стройная женщина лет двадцати пяти. С ухоженным чистым лицом, с пышными рыжими волосами, в одежде из дорогого бутика, с бриллиантовыми серьгами в ушах. Лысый оператор (он же, видимо, режиссер) проводил последний инструктаж:

– ...Когда отработаешь с Толиком и Леликом, то обзовешь их жалкими импотентами и взмолишься Князю Тьмы: «О всемогущий! Пошли мне настоящих самцов!!!» Следующий кадр – ты делаешь минет павиану, а козел трахает тебя сзади. Там уж куда попадет, не обессудь. Ты у нас первый раз?

– Нет, второй, – спокойно ответила красавица.

– Значит, технические нюансы объяснять не надо. Отснимем первые две сцены, отдохнешь, приведешь себя в порядок. А потом козел с павианом поменяются местами. Насчет финала проинструктирую отдельно. Раздевайся! – Лысый включил видеокамеру. Женщина начала аккуратно снимать одежду. Прыщавые оживились, натянули на рожи кожаные маски, придвинулись поближе.

– Не двигаться, твари! Руки за головы! – крикнул Костя. Лысый и прыщавые поспешно выполнили приказ. Красавица начала так же аккуратно одеваться. А Могила даже не шелохнулся.

– Где сутенер? Говори, сука! – зло обратился к нему я.

– Ушел, – усмехнулся Лисянский. – А ты меня не сучи, падла. На четыре точки встанешь!

– Жить надоело, – понимающе кивнул Сибирцев, направив на «честную компанию» трофейный «стечкин». – Ща положу всех одной очередью.

Лысый и прыщавые затряслись, как в лихорадке. Женщина, грациозно изогнувшись, застегнула за спиной лифчик. Накачанные возбудителем животные продолжали бесноваться в своем вольере. Могила поднялся из-за стола, презрительно улыбнулся и шагнул в нашу сторону. Это был широкоплечий мужчина лет сорока пяти, со светлыми волосами, подстриженными под «ежик», одетый в джинсы и в черную водолазку, с незажженной сигаретой в руке. Ну, один в один, как описала Малышева того незнакомца на лестнице!

– У меня гемофилия, – хладнокровно сообщил он. – Если продырявите плечи – до допроса не доживу. Попробуйте взять голыми руками, если не боитесь. – Он внезапно направил сигарету мне в лицо. Я рефлекторно отклонился. Послышался негромкий щелчок, и вылетевшая из «сигареты» игла вонзилась в шею одному из прыщавых. Закатив глаза, тот рухнул на пол.

– Мощное успокоительное, – все так же холодно пояснил Лисянский. – Когда животное на съемках выходит из-под контроля...

Бац! – его ступня неожиданно врезалась в грудь Сибирцеву. Майора отшвырнуло назад.

– Разберись с оставшимися двумя, – бросил я Косте и ядовито-ласково обратился к Могила: – Ну-с, гемофильный терминатор ты наш, иди к папочке! Кровь обещаю не пускать, но потроха отобью.

– Размечтался, фраер дешевый, – презрительно скривился он. – Таких, как ты, я десятками в стойло ставил... Кий-я-я-я!!! – высоко подпрыгнув, он попытался садануть мне ботинком в переносицу. Мягким блоком, переходящим в захват, я увел атакующую конечность вниз по часовой стрелке. Перевернувшись в воздухе, Лисянский приземлился на четвереньки, получил от меня ногой под ребра, с хрипом откатился к столу, с грехом пополам поднялся и принял каратистскую стойку. Лицо его из надменно-презрительного превратилось в жалкое, перекошенное от боли и... страха.

– Ну и чего ты понтовался, придурок? – искренне удивился я. – «Десятками... в стойло»... Да куда тебе! Тоже мне, супервоин! Заурядная киука-шинкай. Максимум – коричневый пояс. Слушай, тебе правда потроха отбить или сам сдашься, здоровье побережешь?!

Вместо ответа Могила вновь попытался атаковать (вот ведь упрямый дятел!), нарвался на прямой встречный в подбородок и потерял сознание. Перевернув его лицом вниз, я защелкнул на широких кистях самозатягивающиеся наручники, сноровисто обыскал одежду, обнаружил связку ключей, сунул ее к себе в карман и осмотрелся по сторонам. Давешней красоты в помещении не было. В дальней стене виднелась распахнутая настежь дверь. В вольере с возбужденными козлом и павианом жались к решетке лысый с прыщавым. Четвероногие порно-звезды рвались с цепей, норовя дотянуться до них.

– Разобрался, изолировал, – перехватив мой взгляд, лаконично пояснил Сибирцев.

– Ни-и-и-на-а-а-ада!!! – хором верещали оба ублюдка. – Цепи непрочные. Выпустите-е!!! Они же нас вместо той бабы!..

– Женщина когда ушла? – не обращая на них внимания, спросил я товарища.

– Не знаю, – пожал плечами Костя. – Наверное, пока я этих в вольер закидывал.

– Ну, пойдем тогда. – Я подобрал с пола видеокамеру, убедился, что она не пострадала при падении, повесил на плечо и обратился к Сибирцеву: – Таци наверх нашего каратиста, а я пойду первым – подстрахую. Если там еще один пост, то попадем как куры в ошип...

Поднявшись по длинной каменной лестнице, мы очутились на заднем дворе клуба. Никакого поста там не оказалось. В небе мерцала россыпь звезд, бледно светила луна. Из

окон «Альфы-К...» доносились пьяные вопли, игривые взвизгивания шлюх и обрывки непотребного пения волосатого «барда». Там вовсю продолжалось веселье. Посреди двора стояли два одинаковых черных «Мерседеса».

– Который твой? – спросил Сибирцев очнувшегося Лисянского, с силой потянув наручники вверх.

– Об-ба-а-а! – болезненно простонал пленник. – Но левый... немного... барахлит. Хва-а-атит!

– Сигнализация? – будто не слыша его, продолжал Костя.

– Отключена! Мои тачки где-есть никто-о-о не посмеет тронуть... Отпусти-и-и-и!

Я сделал знак напарнику. Тот немного ослабил давление.

– Где ключи от правого? – Я поднес связку к глазам Могилы.

– Вот. – За отсутствием рук он ткнул в нужный ключ носом.

– Отлично, – улыбнулся я. – Давай прокатимся в одно уютное местечко!..

Глава IV

«Уютное местечко» представляло собой старинное, заброшенное кладбище самоубийц за чертой города. Облюбовали мы его в процессе подготовки операции, исходя из следующих соображений:

1. Кладбище издавна пользовалось дурной репутацией, а потому, даже бомжи, наркоманы и пьяницы, предпочитали сюда не соваться. Ни днем, ни, тем более, ночью.

2. Удобство проезда. Оно находилось в пятнадцати с половиной километрах от кольцевой дороги, метрах в пятистах от Ленинградского шоссе. То есть нам не приходилось петлять по улицам Н-ска.

3. Поскольку кладбище заброшенное, никем не посещаемое, то тут и схороним господина Лисянского, ежели вдруг помрет при наркодопросе...

Затормозив у ветхой полуразвалившейся ограды, я первым вышел из машины. Следом вывалился Могила, грубо вытолкнутый Сибирцевым. Затем появился сам Костя, пошарил в кустах и достал оттуда две заранее приготовленные лопаты.

– Это зачем? – голос «крутого» заметно дрогнул.

– А ты угадай, – подмигнул я.

Костя зловеще ухмыльнулся. По телу Лисянского прошла длинная судорога, губы затряслись. Лицо превратилось в маску безмолвного ужаса.

– Топай, – пихнул его в спину я. – И не бзди... пока. Если будешь себя хорошо вести, лопаты, возможно, и не понадобятся.

Приободренный таким образом пленник понуро зашагал среди осевших, неухоженных могил без крестов. Первым шел Сибирцев, выбирая удобную площадку (или полянку). За ним – сгорбленный Лисянский и в арьергарде – ваш покорный слуга. Вокруг стояла мертвая тишина. Простите за избитое выражение, но тишина действительно была мертвой: ни криков ночных птиц, ни звуков, ни шорохов... Словом, ничего! Только легкий шелест наших шагов по неровной тропинке. Повсюду, окруженные прошлогодним бурьяном, росли старые, корявые деревья. В бледном свете луны они отбрасывали странные, шевелящиеся тени, похожие на чудищ из кошмарных снов. В воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка. Сильно пахло гнилью и плесенью. Короче, местечко было то еще! Даже у такого толстокожего типа, как я, нет-нет да пробегали по спине мурашки. Как потом признался Костя – у него тоже. А Лисянского вовсе колотил зверский озноб. Время от времени авторитет жалобно всхлипывал и пускал носом пузыри. Дошел, голубчик, до кондиции!..

– Здесь, – объявил, наконец, Сибирцев, указывая на большую поваленную плиту из серого гранита. На ней виднелась полустертая надпись: «Палтусов Вальдемар Изяславович. 1885–1910 гг. Жертва несчастной любви».

– Присаживайся, – велел я пленнику, содрал с него водолазку, достал из кармана заранее заготовленный шприц с пентоналом натрия и деловито осведомился: – У тебя сердечко в порядке? Не барахлит?!

– Н-нет, – выдавил он.

– Вот и ладушки, – улыбнулся я, загоняя шприц в вену. – Авось поживешь еще. На нарах, разумеется...

Спустя положенный промежуток времени препарат подействовал. На лице допрашиваемого выступил пот, глаза затуманились, приобрели отсутствующее выражение. Могила начал охотно отвечать на любые, заданные ему вопросы, и мы с Костей, образно выражаясь, сели в лужу!..

За период с 1991 года по нынешнее число, Могила без запинки сознался в торговле наркотиками, в похищениях людей, в зверских пытках (порой со смертельным исходом), в кид-

непинге, шантаже, сутенерстве, в продаже русских девушек в азиатские бордели, в черном риелторстве, в крупных регулярных взятках милицейским и гражданским чинам всех уровней (далее следовал их полный перечень с именами, фамилиями, должностями), в давней, небескорыстной дружбе с неким известным госдеятелем либерального толка (вот основная причина его непотопляемости!) и т. д. и т. п. А также в восьмидесяти девяти убийствах, совершенных как лично, так и чужими руками. Однако ни к ликвидации «Окуня», ни к убийству Малышева с дочерью он не имел ни малейшего отношения. Связей с иностранными разведками не поддерживал и, следовательно, оказался вовсе не тем современным Мари-арти, которого мы искали. Кстати, на момент гибели Малышевых Лисянский имел железное алиби, поскольку именно в тот день и час занимался съемками очередного порнофильма с участием загадочной добровольцы и дрессированных животных. Об этой стороне его «бизнеса» стоит рассказать более подробно. (Со временем поймете почему). Итак, допрос проводил Сибирцев, а я снимал происходящее на трофейную видеокамеру.

Сибирцев: Кто те женщины, которых терзают козлы и обезьяны в твоих порнофильмах?

Лисянский: Понятия не имею. Я знаком только с поставщиком.

Сибирцев: Как его зовут?

Лисянский: Владлен Артурович.

Сибирцев: Фамилия?

Лисянский: Не знаю.

Сибирцев: А кто он вообще, по жизни?

Лисянский: Точно не скажу. Вроде бы коммерсант. То ли владелец, то ли совладелец, то ли зам. начальника одной частной фирмы.

Сибирцев: Название? Род деятельности фирмы?

Лисянский: Он не говорил, а я не спрашивал. Какая мне, собственно, разница?

Сибирцев: Как вы познакомились?

Лисянский: Через Интернет. Он сам вышел на меня с этим предложением.

Сибирцев: С каким этим?

Лисянский: Делать порнофильмы с участием приличных обеспеченных женщин (не наркоманок, не проституток, не мазохисток) и дрессированных животных.

Сибирцев: Ради денег?

Лисянский: Разумеется! Правда, Владлен болтал что-то о пропаганде суперсвободной любви эпохи Водолея, но мне его байки по барабану. Я и не вслушивался даже. Главное – лавы!

Сибирцев: И как прибыль?

Лисянский: За один короткометражный фильм я получаю от оптовика около десяти тысяч долларов.

Сибирцев: Имена, фамилии, адреса оптовиков. Живо!

Лисянский старательно диктует.

Сибирцев: А сколько получает Владлен?

Лисянский: Тысячу долларов за бабу и одну лазерную копию фильма бесплатно.

Сибирцев: Как вы связываетесь?

Лисянский: Я звоню ему на мобильный (диктует номер). Но он, думаю, от него уже избавился.

Сибирцев: Баба предупредила?

Лисянский: А кто же еще?

Сибирцев: Тебе не кажется странным поведение актрис?

Лисянский: Конечно, кажется! Они точно не под наркотой, но... какие-то зомбированные! Или биороботы – черт их разберет! Но прежде я не встречал ничего подобного! Представляешь, одну обезьяны задрали чуть ли не до смерти, но она вытерпела съемку до конца. И от боли не орала, а вскрикивала по сценарию: «О да! Да! Еще сильнее, мой мачо!!!» Потом потеряла сознание, а едва очнувшись, позвонила мужу по мобильнику и очень спокойно, с интонациями любящей супруги сказала: «Извини, дорогой, но я срочно уезжаю в командировку дней на десять... Да позвоню, если смогу. Целую!» И тут же вновь отрубилась. Кровищи, блин, натекло...

Сибирцев: Куда ее дели?

Лисянский: Владлен забрал. Наверное, в частную клинику или к подпольному гинекологу. Точно не знаю. Но она выжила! Месяц назад встретил ее на улице. Выходила из модного салона красоты, вся в золоте, в драгоценных камнях. И шмотки на высшем уровне. Я ей: «Привет, красотка! Как здоровье?» А она: «Извините, но разве мы знакомы?!» И ведь не притворялась, сучка, действительно не узнала!

Сибирцев: Значит, говоришь, зомби?

Лисянский: Бля буду, да! Хотя никогда раньше не верил в эту херню...

Завершив наркодопрос Могилы, мы погрузили его обратно в «Мерседес» и отвезли в Брюсовский СИЗО. Основываясь на записи видеокамеры, отпечатали на тридцати страницах «явку с повинной», заставили обезволившего авторитета поставить автограф под каждой страницей, написать в конце «С моих слов составлено верно» и передали его с рук на руки тюремщикам со строгим наказом: «Присматривать денно и нощно! Чтоб ни один волос, блин... Он нам скоро понадобится!..»

В трудах и заботах ночь пролетела незаметно. Часы показывали половину восьмого утра. Разъезжаться по домам не имело смысла. Оставив «Мерседес» Лисянского на внутренней стоянке СИЗО, мы вышли на улицу, поймали такси, доехали до Лукьянской площади, позавтракали в кафе «Зорька» (основной упор на крепчайший кофе) и отправились прямо в кабинет к шефу с устным докладом и видеокамерой...

Глава V

Некоторое время спустя

Рябова мы тогда в кабинете не застали. С утра пораньше он отправился на совещание к начальнику Управления. Сдали камеру под расписку секретарше полковника Клавдии Богатыревой, воспряли духом (сейчас домой, в «люлю», и спать, спать, спать!!!). Но едва мы собрались откланяться да улизнуть по-тихому, капитан в юбке разбила наши надежды в пух и прах.

– Шеф приказал вам обоим обязательно дожждаться его возвращения! – твердо заявила она.

– Кла-а-авочка! Да мы ж с ног валимся, – заныл я. – Того гляди, помрем от усталости!

– Идите в комнату отдыха сотрудников, – отрезала Богатырева и, склонившись к моему уху, жарко шепнула: – Были бы мы с тобой одни, да не на службе, я бы тебя быстро оживила! Ты бы хотел, а?!

В ответ я лишь досадливо вздохнул: «мол, только тебя не хватало для полного счастья!», чем, несомненно, обидел Клаву, отношения с которой у нас частенько выходили за рамки служебных (см. «Карта смерти»). Проигнорировав ревнивый всполох в ее глазах (женщины, если их не очень жаждут, почему-то сразу подозревают наличие юной любовницы – «Соски! Шлюхи! Дешевки вшивой!!!»), я вместе с Костей прошел в комнату отдыха на третий этаж. Прилег на обитый кожзаменителем топчан и моментально отрубился. Снилось, как обычно, всякая гадость: трупы, плавающие в собственной крови, перерезанные глотки, разнесенные пулями черепа с вытекающими мозгами... А под конец я увидел роскошно украшенный зал с золотым тронем, на котором восседал рогатый, облепленный слизью урод с выпученными глазами без зрачков. По залу чинно прогуливались огромные псы (в основном доги), обезьяны и козлы на задних лапах. Животные были одеты в длинные черные фраки (но без штанов), и каждый держал под локоток обнаженную красавицу с тремя огненными шестерками на лбу. Воздух пропах зверинцем. Затем ударили литавры. Урод на троне разинул зубастую пасть, собрался произнести речь, но тут вдруг началось землетрясение, и я открыл глаза. Над топчаном склонился полковник Рябов и тряс меня за плечо, а за спиной у него стоял Кирилл Альбертович Ильин. И он – тут я усиленно протер глаза и встряхнул головой... Он ничуть не напоминал «жертву сурового монастырского устава, строгого поста и круглосуточных молитв до полного изнеможения». Ильин действительно похудел, но не отошал, а просто сбросил старческую обрюзглость. Был бодр, свеж, румян и помолодел лет на десять.

– Ох, и ни фиги себе! – пробормотал я. – Вас прямо не узнать, Кирилл Альбертович! Вы буквально...

– Compliments потом, – перебил полковник и, сурово сдвинув брови, обратился ко мне и к тоже разбуженному и не менее ошалевшему Сибирцеву: – Вы, молодые люди, за кого меня держите?! За морального уродца? За извращенца?! Одновременно с записью наркодопроса подсунули начальнику порнуху. Причем столь отвратительную, что меня чуть не вытошнило! Если вы хотели таким образом выслужиться, то...

– Хватить шутковать, Владимир Анатольевич, – живо вмешался Ильин. – Эта порнуха (и впрямь паскудная) тем не менее – самое ценное из того, что они добыли минувшей ночью.

– ???!

– На DVD-диске, помимо допроса господина Лисянского, записан недавно отснятый порнофильм. А в нем в качестве главной героини фигурирует одна ваша общая знакомая,

которая теперь главная и единственная подозреваемая в жестоком убийстве отца и дочери Малышевых, – пояснил Альбертыч.

– Но когда... когда Вы успели?! – потрясенно пролепетал я.

– Я вернулся из монастыря вчера, ближе к вечеру. На сутки раньше, чем рассчитывал, – улыбнулся Ильин. – Ну и, дожидаясь вас обоих, просмотрел дела в полковничьем кабинете, сделал из них выписки, провел некоторые параллели и практически приблизился к разгадке тайны. Однако ваша кассета сыграла решающую роль.

– Просмотрели... ВСЕ?! – задохнулся я. – Быть того не может!

– А чего тут такого особенного? – в свою очередь, удивился он. – От «зеленого змия» избавился. Теперь энергии хоть отбавляй! Впрочем, хватит болтать. Пойдемте на просмотр...

* * *

Сперва пышноволосая красавица совокуплялась с двумя типами в кожаных масках. (Не менее пятнадцати минут. В разных позах, и в достаточно жестком варианте.)

– Вы слабаки! – когда «маски» насытились, презрительно сплюнула она. – От ваших жалких отростков ни капли удовлетворения. Пшли вон! – Пнув каждого в голый зад («маски» покорно уползли из кадра), она воздела руки к потолку и диким голосом закричала: – О великий Люцифер! Дай твоей верной рабе настоящих самцов, а не этих (тут она грубо и пошло выразилась).

– Хорошо, – произнес за кадром тяжелый бас. – Будь по-твоему!

Последующие десять минут красотку усердно «пользовали» накачанные возбудителем дог и павиан. (Подробности описывать не буду, противно!).

– О да, да-а!!! Еще, мои звери!!! Сильнее! Глубже! О да-а-а!!! – страстно стонала она в процессе. И, наконец, завершающая сцена. Красавица (ясное дело, отмытая, причесанная, подкрашенная и наскоро подлеченная) томно возлежала на спине и на протяжении трех минут усердно возносила хвалы дьяволу за «потрясающий, незабываемый, сверхчеловеческий секс». За кадром наигрывала одна из известных сатанинских рок-групп. Невзирая на свою, мягко говоря, неприязнь к порнографии, скотоложству и сатанизму, ЭТОТ фильм я смотрел, затаив дыхание, не отрываясь, разинув в изумлении рот. Дело в том, что главной героиней в нем была милая, вежливая, культурная, убитая горем... В общем, безутешная вдова и скорбящая мать Анна Малышева!!! Судя по дате на пленке, съемка производилась на следующий день после зверского убийства ее мужа и семилетней дочери...

– Ваше мнение? – по завершении просмотра обратился к нам с Костей шеф.

– Мерзость и... и сумасшествие! – с отвращением выдал Сибирцев. – Трудно поверить собственным глазам. Хотя... От современных баб всякого можно ожидать. (Тут он, очевидно, припомнил свою женушку-стерву.)

– Ты так же считаешь, Дмитрий?! – в упор спросил Рябов.

– Лисянский говорил на допросе, будто актрисы – зомби... – задумчиво молвил я.

– Или биороботы, – встрял Ильин.

Шеф погрозил ему пальцем, как учитель школьнику, типа «Не подсказывай!».

– Возможно, – вспомнив страшные события лета 2004-го (см. «Технология зла»). – не стал спорить я. – Так или иначе, они не понимают, что творят. Кто-то ими манипулирует, словно марионетками. Правда, в отличие от тех зомби, глаза у них – не пустые стекляшки, но все равно... – Тут я запнулся, подыскивая подходящие слова, но так и не нашел.

– Значит, зомби? – после короткой паузы, уточнил шеф.

– Да, – твердо ответил я.

– Прямо в точку! – восхитился Ильин. – Вы, мой юный друг, абсолютно правы! Но и это еще не все. Камера успела «схватить» другую актрису, съемкам которой помешало ваше с Сибирцевым появление в зверинце. Нам удалось ее опознать. Олеся Свириденко, двадцати четырех лет, замужем за крупным чиновником в городском правительстве. А работает она... где бы вы думали?.. В рекламном агентстве «Альфа-К». Без трех точек! Там же, кстати, где и Анна Малышева.

– «Альфа-К»?! – хором воскликнули мы с Сибирцевым: – Никогда о таком не слышали!

– Да, есть такое, – подтвердил полковник. – Мало известное и очень, знаете ли, странное! Ни одного серьезного заказа у него нет. И не намечается в ближайшие сто лет. В рекламном бизнесе оно – ноль без палочки. Тем не менее «Альфа» содержит огромный штат сотрудников. Преимущественно молодых, красивых женщин. Но есть и юноши педерастического типа. Все они получают зарплату порядка полутора тысяч долларов в месяц. Чистыми! Без учета налогов! Интересно, откуда у затрапезного, фактически безработного агентства такие деньги? И зачем ему столько сотрудников?

– Агентство – прикрытие, прошептал я, – а в действительности оно – та самая тайная организация!

– Именно так, – кивнул Владимир Анатольевич. – И, кажется, я знаю, КАК производится зомбирование. Мы однажды уже сталкивались... Впрочем, не будем забегать вперед. Проведем ряд мероприятий, расставим точки над *i*, уточним обстановку. А потом... – Полковник недвусмысленно провел по горлу ребром ладони...

Глава VI

Два дня спустя

За истекшее время шеф проделал поистине титаническую работу: раскопал всю подноготную «Альфа-К», добыл план здания, домашние адреса руководства. Поставил их телефоны на прослушку и даже вышел на след закулисных покровителей сего гадюшника. После чего заметно помрачнел (об этом чуть позже). Но самую большую пользу, на мой взгляд, принесла «наружка», приставленная ко всем известным нам сотрудникам фирмы. Именно она расставила точки над *i* и дала понять, ПОЧЕМУ добропорядочные на вид люди без зазрения совести совершают зверские убийства (в том числе своих родных) и, вознося хвалу дьяволу, спариваются с животными в омерзительных порнофильмах...

Выдержка из отчёта начальника Службы наружного наблюдения.

«...Слежка за „объектами“ началась сразу после получения соответствующего приказа. Она проводилась... (далее технические подробности, в том числе секретные)... В результате чего удалось установить: все рядовые сотрудники приходят на работу ровно в 9 утра. Охраны у дверей нет. Каждый сотрудник подносит к панели у двери правую ладонь, после чего дверь автоматически открывается. Используя часть перечисленной выше аппаратуры, мы выяснили, что точно так же они открывают еще пять дверей, прежде чем попадут в офис. Тамбуры между дверями снабжены автоматическими пулеметами, замаскированными в стенах. (Далее объясняется, как именно они замаскированы.) Судя по всему, в руку каждого сотрудника вживлен пропуск-микрочип, открывающий дверь. Кроме того, микрочип наверняка имеет связь с центральным компьютером и служит не только пропуском, но и опознавательным знаком для системы «свой-чужой». Таким образом, человек без чипа, оказавшийся в тамбуре, будет моментально уничтожен перекрестным огнем пулеметов... Примечательно, что руководители «Альфы-К» Альберт Калугин, Владлен Репин и Борис Ивакин используют чипы, не вживленные им под кожу, а вмонтированные в небольшие пластиковые карточки... После десяти утра сотрудники (молодые женщины и юноши гомосексуального вида) начинают разъезжаться из офиса. Большинство отправляются в разные гос. учреждения и развлекательные, а также оздоровительные заведения (подробный перечень), где знакомятся с коммерсантами, чиновниками, военнослужащими, представителями криминальных структур и с лицами ряда других профессий. (Снова полный перечень.) В соответствии с докладами наших агентов, знакомства проходят не наобум, а с людьми, выбранными заранее. (Далее начальник «наружки» убедительно обосновывает свое предыдущее утверждение). Некоторые сотрудники фирмы встречаются с уже знакомыми им людьми: общаются, ходят в увеселительные заведения, а также в сауны, гостиницы и на съемные квартиры. В последних трех случаях они занимаются с указанными людьми сексом и различными сексуальными извращениями...»

Итак, вживленный под кожу микрочип. О-о-о!!! Об этой гадости я знал достаточно много. Нам не раз приходилось сталкиваться как с заклеенными ими (чипами) людьми, так и теми, кто под видом развития высоких технологий старательно мостил дорогу Антихристу. (Не забывая одновременно обдeldывать и собственные шкурные делишки.) Для тех, кто не читал два предыдущих тома, придется рассказать следующее:

1. Микрочип – программное микро устройство со встроенной антенной, которое принимает, обрабатывает и передает информацию. (Через спутник в управляющий компьютер и обратно.)

2. Уже довольно давно существует система управления сознанием людей британского кибернетика Кевина Варвика. Вживленный под кожу микрочип обеспечивает постоянный компьютерный контроль над человеком, его местонахождением, состоянием здоровья. А главное – за его мыслями, чувствами и поведением!!! Компьютер как бы слышит ушами чипированного, видит его глазами и способен отдать ему любой приказ, который человек не может не выполнить, поскольку утратил свободу воли и является уже не личностью, а фактически придатком компьютера. Так, «кукловод» может заставить своего раба есть тухлую мертвечину или фекалии, совокупляться с грязным животным, убить самого дорогого и близкого человека, взорвать жилой дом, отравить водозаборник и т. д. и т. п. А затем полностью забыть обо всем – считать себя честным, правильным, непорочным и, если того требует сценарий, искренне сокрушаться об им же убиенных. В случае необходимости компьютер с легкостью уничтожает «придаток», вызвав специальным импульсом остановку сердца или кровоизлияние в мозг.

3. И наконец, самое главное!

Каждый микрочип содержит в себе личный номер носителя с обязательным числом зверя – 666. Дело в том, что все мировые системы кодирования информации: EAH-13/UPS (единая мировая), 11PS (США и Канада), БАМ (Европа) и прочие – обязательно содержат в себе три компьютерные шестерки. Три пары тонких и удлиненных линий в начале, середине и конце штрихкода как раз и составляют число зверя – 666 (на компьютерном языке). По сути, такой микрочип и есть знаменитая печать Антихриста. Вживляется он всегда в правую руку или на лоб, как и предсказано в Апокалипсисе. Тот, кто принял такой чип, не только утратил свободу воли! Он полностью, безвозвратно потерял Милость Божию и Царствие Небесное! Отныне для него одна дорога – в геенну огненную. В Апокалипсисе прямо сказано: «И третий Ангел последовал за ними, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его. И будет мучим в огне и сере перед святыми Ангелами и перед Агнцем; и дым мучений их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его» (Откровение святого Иоанна Богослова. XIV. 9–11)...

Теперь, когда мы узнали про чипы-пропуска, стало совершенно понятно, КАК функционировала «Альфа-К». Прикрываясь официальным статусом рекламного агентства (который позволял сотрудникам шлаться где угодно, когда угодно и входить в контакт с самыми разными людьми), руководители фирмы сумели создать обширный, хорошо отлаженный синдикат убийц принципиально нового типа. Эдакую гильдию мокрушников эпохи высоких технологий. Они принимали заказы (каналы приемки нам еще предстояло выяснить). Манипулируя сознанием сотрудников, заставляли их втираться в доверие к «заказанным», а потом в наиболее удобный момент устранять «объекты» подручными средствами, тщательно заматывать следы и тут же забывать о содеянном. С этой целью, несомненно, была разработана специальная компьютерная программа, условно названная нами «Час пик». Программа управляла действиями «придатков» и, при необходимости, создавала им на редкость достоверные

алиби. Так, например, она спровоцировала у Анны Малышевой сердечный приступ, зафиксированный в милицеском рапорте. А после, к нашему с Костей приезду, сделала из нее образец безутешной, раздавленной горем жены и матери. Причем женщина не притворялась в прямом смысле слова. Подстегиваемая электронными импульсами, она искренне сокрушалась об умерщвленных ею же самой дочке и муже. И, уверен, мысленно проклинала «неизвестного» убийцу. Поистине дьявольская насмешка!

Что же касается порнофильмов с животными, то здесь, похоже, организаторы преследовали сразу три цели:

1. Прославлять дьявола и развращать зрителей.
2. Поиздеваться над своими куклами, мнящими себя добропорядочными леди.
3. Дополнительно подзаработать. (Пуcкай по мелочи.) Все сатанисты, как известно, жадны до безобразия!..

Милицеские дела, просмотренные Кириллом Альбертовичем, вплотную, как и покойного Малышева, подвели его к «Альфe-К». Вплотную, но не окончательно. Вероятно, майору дал полную уверенность неизвестный нам агентурный источник. А Ильин стопроцентно убедился в виновности агентства, просмотрев запись порнофильма на диске с допросом Лисянского и выяснив место работы Анны Малышевой и Олеси Свириденко...

Как упоминалось выше, почерк убийств всегда был одинаков: использование подручных средств, безжалостное уничтожение любых свидетелей и аккуратное сокрытие следов преступления. Потому-то милиция долгое время и билась в догадках (таинственные убийства продолжались свыше года) и, строя версии, «разрывалась» между бытовухой и новым, неуловимым суперманьяком. Лишь относительно недавно они объединили все дела в одно, внимательно изучили список жертв и сообразили – ни бытовуха, ни маньяк тут рядом не валялись! По основному признаку (мотивации) – убийства явно заказные. Только уж очень странные. Таких прежде никогда не бывало! Умница Малышев (Царствие ему Небесное!) сумел выйти на организацию, однако он ничего не знал о чипах-пропусках (или не придавал им значения), не подозревал, что ВСЕ служащие «Альфы» – кровавые убийцы-зомби (в том числе его горячо любимая супруга), не скрывал от благоверной своих успехов в розыске и даже собирался навести у нее справки о руководстве фирмы. Помните запись от двадцать пятого апреля – «Аккуратно расспросить А.»?

Вот и проконсультировался, бедняга!!! Да, ничего не скажешь, управляющий компьютер действовал четко, последовательно, с железной машинной логикой. Мгновенно реагировал на любую потенциальную опасность. Но и проколы допускал типично машинные. Жутко тупые с людской точки зрения.

Так, выводя нас на ложный след, он вложил в мозг и уста Анны одно из описательных клише, наугад выбранное в электронной памяти. И... попал прямиком в Лисянского, определенным образом связанного с «Альфой-К». Причем «одел» мнимого убийцу именно в ту одежду, в которой Могила присутствовал на съемках порнофильмов, и вложил ему («убийце») в руку незажженную сигарету.

Кстати, к сведению, как показали второй и третий допросы, Лисянский одевался вышеуказанным образом, только отправляясь в зверинец. (В прочее время он предпочитал костюмы индивидуального пошива.) А чем в действительности являлась «сигарета» – читателю известно. (Сам Лисянский, между прочим, не курил...)

Ну-с, а теперь почему помрачнел Рябов. Судя по всему, закулисным покровителем «Альфы-К» был некий тип из верхних эшелонов власти, по слухам, входяий в одну из масонских лож. Означенный тип обладал мощными связями на различных уровнях, и уголовное дело против «Альфы-К» моментально бы развалилось, не дойдя до суда. А его инициаторы получили бы по мозгам. (Скорее всего – топором.) Поэтому действовать мы решили так:

1. Захватить живьем руководство фирмы и получить показания на «типа».

2. Предоставить доказательства генералу Маркову, чтобы мерзавца по-тихому «стерли».

3. А пока наверху будут принимать нужное решение (надо сказать, очень нелегкое), пока в Н-ск прибудут и отработают «чистильщики» – надо как можно скорее ликвидировать гадючье гнездо. Ведь неизвестно, сколько жизней унесет даже один день просрочки. Действовать нам придется конфиденциально, т. е. не привлекая на помощь силовые подразделения Конторы, где у чиновного злодея наверняка есть «глаза» и «уши»...

– Не беда! – после длительного раздумья изрек Рябов и заметно просветлел ликом. – Чай, не впервой. Справимся! Есть у нас, слава Богу, надежные люди! А воюют, как говорил Суворов, не числом, а умением. Короче, слушайте внимательно. – Взяв лист бумаги и быстро рисуя на нем нечто вроде схемы, он принялся излагать мне, Сибирцеву и Ильину план предстоящей операции...

Глава VII

Захват руководства «Альфы-К» шеф наметил на ближайшую ночь. В операции были задействованы сам Рябов, майор Сибирцев, капитаны Андрей Горошко и Василий Филимонов (хорошо зарекомендовавшие себя в прошлых делах и заслужившие полное доверие), ваш покорный слуга, а также Альбертыч. Последнего, по понятным причинам, не допустили к участию в силовых акциях. Ильин, с необходимыми для наркодопроса препаратами и медицинским оборудованием, дожидался нас с «языками» в конспиративной квартире на улице Смоленская. Казалось бы, маловато сил для целых трех задержаний в столь короткие сроки?! (Рябов выделил на захват не более двух часов.) Однако нашу задачу сильно облегчало одно пикантное обстоятельство. Все трое руководителей «Альфы-К» хотя и были прописаны по разным адресам, но постоянно проживали вместе – в восьми комнатной, трехъярусной квартире в суперэлитном доме на Виноградской улице. Согласно собранной полковником информации они являлись закоренелыми гомиками и образовали эдакую полигамную пидерсемя. То ли один муж и две «жены», то ли наоборот. Пес их там разберет!..

Группа захвата на двух машинах (полковничьей «Волге» и микроавтобусе «Шевроле») прибыла на Виноградную улицу в начале первого ночи. Нужный нам дом под номером одиннадцать возвышался над прочими постройками помпезной, навороченной, но весьма безвкусной громадиной. В квартиру гомосексного трио вел отдельный вход, снабженный новейшими электронными системами безопасности, которые вызывали у шефа лишь презрительную усмешку. В предыдущей повести я уже упоминал о незаурядных технических способностях Рябова. Распространялись они и на охранную электронику, считавшуюся сверхнадежной, неуязвимой.

– Ждите здесь, – выходя из машины, сказал нам Владимир Анатольевич. – Минут за десять управлюсь и подам условный сигнал. Тогда шустро выдвигайтесь к объекту, а дальше – строго по плану...

Я с сомнением покачал головой: «За десять минут нейтрализовать сигнализацию, камеры наблюдения, системы защиты... Не может такого быть! Шеф явно погорячился!!!»

Заметив мой недоверчивый взгляд, полковник усмехнулся:

– Запомни, Дима. Это все ерунда, бирюльки! Настоящие трудности ждут нас потом. В квартире, на первом ярусе, пять собак-убийц. Вот с ними нам придется повозиться. А что касается электронной хреновины, то десять минут – максимальный срок. Спорим на щелбан?

– Спорим, – охотно согласился я. – Только Вы потом не обижайтесь!

– Это ты не обижайся, – буркнул шеф, четырьмя бесшумными выстрелами погасил ближайшие фонари и растворился в наступившей темноте. А мы занялись профилактическим осмотром оружия и подгонкой снаряжения. В процессе, я с удовольствием представлял, как до предела оттягиваю палец на правой руке и всаживаю в полковничий лоб смачный «фофан». Нет. Не подумайте, я искренне уважаю и люблю шефа, но... иногда полезно сбить с начальства излишнюю спесь!..

Однако я крупно просчитался. Условный сигнал (короткий, душераздирающий кошачий мяв) послышался через восемь минут тридцать девять секунд. В числе первых я приблизился к отпертым дверям, встретил там коварно улыбающегося Рябова и, сняв инфракрасные очки, покорно подставил лоб.

– Потом когда-нибудь сочтемся, – свеликодушничал он. – А пока тебе нужна свежая голова. На очереди настоящая работа!

И действительно, едва мы проникли на первый ярус, представлявший собой просторный, неосвещенный зал почти без мебели, как увидели пять мускулистых стремительных

тел, молча, без рыка и без лая, бросившихся на нас. Они действовали четко, слаженно и сразу разобрали «жертвы», по одной на каждую. Свою зверюгу, распластавшуюся в длинном прыжке, я достал ударом ноги в брюхо, когда она находилась в воздухе. Именно так нас учили в спецназе, и обычную служебную собаку я бы моментально вывел из строя. Но это чудовище превзошло все рекорды живучести. Оно взвизгнуло, неловко шлепнулось на пол, но кровожадных намерений не оставило и, скользнув вперед, вцепилось зубами мне в ногу, по счастью, защищенную толстой штаниной со специальной набивкой.

Пф-ф – пуля из моего «ПСС» раскроила собачий череп. Псина немного подрыгала лапами и издохла. Страшные челюсти медленно разжались. Я посмотрел на товарищей. Рябов, раньше всех прикончивший своего монстра, в настоящий момент перерезал глотку противнику Горошко, ухитрившемуся повалить капитана на пол и почти подобравшемуся к его горлу. А Сибирцев вдвоем с Филимоновым добивали ножами последнего: визжащего, рычащего, хрипевшего и никак не желавшего умирать. Наконец все было кончено.

– Н-да уж. Это вам посерьезнее электронной хрени, – проворчал полковник, вытирая окровавленное лезвие о собачью шерсть. – И в кровище, блин, перемазались с головы до ног! Впрочем, оно к лучшему! Дополнительный психологический прессинг для главных фигурантов. Ну-с, ребята, вперед...

Калугина, Ивакина и Репина мы обнаружили на третьем ярусе квартиры, куда добрались без каких-либо проблем. Абсолютно голые «фигуранты» резвились (не буду описывать КАК) в квадратном зале, освещенном одиннадцатью огромными черными свечами. Стены были изукрашены оккультными символами. На потолке сияла неоновая пентаграмма. Пол покрывал пушистый ковер, а в центре возвышалось просторное ложе, на котором и происходило упомянутое ранее отвратное действо. Рядом с ложем стоял широкий стол, уставленный бутылками и разнообразными закусками. Не сговариваясь, наша группа взяла на прицел гнусное трио.

– Попались, уроды, – зловеще процедил полковник и рывкнул во всю глотку: – Встать! Вы арестованы!!!

Клубок тел мгновенно распался. Все трое выглядели омерзительно, особенно Ивакин – с припухшими, красными, перемазанными... (не буду говорить ЧЕМ...) губами.

– Ой! – по-мышинному пискнул Калугин, встал на колени и тоненько, пискляво заголосил: – Не убивайте, родненькие, миленькие, пожалуйста! У-мо-ля-ю-ю-ю!!!

Что-то в облике этого существа показалось мне странным, неестественным, фальшивым. Не знаю, как объяснить, но, невзирая на наличие «мужского достоинства», в нем ощущалось нечто на редкость бабье. В прямом смысле слова! И действительно, как позже выяснилось, ОНО было раньше женского пола и звалось Светой, а после операции по смене пола превратилось в Альберта...

Ивакин, вытаращив в ужасе рачьи глаза, беззвучно хлопал испоганенным ртом.

Зато Репин (видимо, «муж» в педерастической семейке) попробовал оказать сопротивление. Правда, весьма смехотворное. С воплем «Нет, гады. Не возьмете!» он выхватил из-под подушки дамский парабеллум, зажмурил глаза, пальнул куда-то в потолок и, исчерпав запасы крутизны, забился под стол голым задом наружу. Все члены группы не сумели удержаться от хохота.

– Вылазь, чмо! – пихнул его ногой в «пятую точку» Сибирцев. – И вместе с остальными к нему. – Он указал на капитана Горошко, многозначительно позвякивающего связкой наручников в одной руке и держащего моток скотча в другой.

– В очередь, сукины дети, в очередь, – приговаривал Андрей и сноровисто «пеленал» одного фигуранта за другим: заковывал руки за спиной и заклеивал рты скотчем. – А теперь, пшли! – закончив, скомандовал он.

Пленники, под наведенными «стволами», суетливо засемили вниз... Погрузка в машины прошла без осложнений. Деморализованные руководители «Альфы-К» безропотно выполняли любые приказы и лишь тряслись в лихорадочном ознобе. Их сложили штабелем в «хвосте» микроавтобуса, прикрыли мешковиной, предупредили: «Ни шороха, блин! Замочим» – и ради профилактики немного попинали «берцами». Затем маленький кортеж с бронированной «Волгой» во главе понесся в сторону Смоленской улицы. Прочь от элитной громадины, по-прежнему застывшей в гробовой тишине...

* * *

К нашему приезду, Кирилл Альбертович успел подготовиться к наркодопросу и изнывал от безделья, слоняясь из угла в угол, как неприкаянный. Телевизор наш эскулап не уважал, а на книжной полке не нашлось ничего, соответствующего его интеллектуальному уровню.

– Ага! – обрадовался он, заведя пленников. – Ну, наконец-то!.. – И первым взялся за Альберта (Светика?) Калугина (ну?!)).

– Хлипкий субъект, – завершив скрупулезное обследование, объявил Ильин. – Протянет не более получаса. Потом сердечко однозначно откажет.

– Калугин – глава фирмы, – озабоченно молвил Рябов, – наиболее ценный источник. Поддержать как-то можно?

– Трудно сказать, – пожал плечами Альбертыч. – Попробую, однако... ОНО явно нежизнеспособно. По некоторым признакам ЭТО два или три года назад сменило пол. А подобные фокусы даром не проходят. Нельзя безнаказанно глумиться над Творцом!

– Ну попытайтесь! Ну хоть как-нибудь! – едва ли не взмолился полковник.

– Попробую, – хмуро повторил Ильин. – Но гарантировать ничего не могу!

– Не-е-е-е надо-о-о!!! Не колите психотропкой!!! – выйдя из ступора и трусливо уставившись на ампулы с пентоналом, шприцы, жгуты, а также на реанимационное оборудование, панически взвыло Альберт-«Светик». – Я же вам и так! Как на духу! Сдам скопом всех и вся!!! Только не колите!!! Доктор прав – у меня очень слабое здоровье!!!

Главе фирмы на разные голоса вторили Ивакин с Репиным. Причем Ивакин ползал по полу на четвереньках и до тех пор пытался облобызать нам обувь, пока не получил от нервного Кости «берцой» в зубы. А Репин, передергиваясь в нервном тике и стараясь спрятаться за спины подельников, периодически взвизгивал:

– Мы, правда!.. Клянусь!.. Расскажем!.. Помилуйте!.. Не колите!..

– Заткнитесь, сволочи! Порву! – оглушительно гаркнул шеф. Руководители «Альфы-К», всхлипывая, умолкли.

– Стало быть, без уколов, чистую правду, как на духу. – В глазах полковника мелькнуло странное выражение. – Ну что ж, мы предоставим вам такую возможность... Дима, Костя – берите Ивакина с Репиным, разводите по разным помещениям, и пускай «исповедуются» на диктофон. А я займусь господином Калугиным...

Мне по жребию достался Борис Борисович Ивакин. Заставив ублюдка тщательно умыться, я уединился с ним в дальней комнате и, поигрывая пистолетом, начал допрос.

Борис Борисович отвечал на вопросы торопливо, вздохнув. И, если выразиться образно, напоминал прорвавшуюся канализационную трубу. От него я узнал массу интересных вещей, письменное изложение которых займет не менее восьми страниц. Но пока не стоит заострять на них внимание. Скажу лишь в общих чертах. Агентство было создано по инициативе Калугина (ной?). Это существо являлось одной из весьма заметных фигур в масонской ложе «Северо-Запад». Финансовую поддержку частично оказала ложа, а частично – тот высокопоставленный тип-покровитель, на след коего вышел Рябов. Кстати, сам он яхшался

с другой ложей «Юго-Восток», считавшейся конкурентной «Северо-Западу». Ну, да ворон ворону глаз не выклюет!.. Изначально «Альфа-К» выполняла сугубо коммерческие «заказухи», но недавно, с подачи представителей обеих лож, в числе клиентов «рекламного» агентства появились три иностранные разведки – Американская, Британская и Турецкая. Высокопоставленный тип знал об этом, но особо не возражал, хотя и не приветствовал. «Слишком рано светитесь, – пробурчал покровитель, – ну, да ладно, черт с вами. Только будьте предельно осторожны!» Дело в том, что он вынашивал далеко идущие политические планы и неоднократно заявлял – в 2008 году он использует «Альфу-К» (штат коего многократно увеличится) для создания необходимых условий к коренным переменам в стране. Пока же «высокопоставленный» обкатывал машину убийств и одновременно получал с нее солидный доход. (Порядка сорока процентов чистой прибыли.)

В настоящий момент в «Альфе-К» работало шестьдесят исполнителей: сорок пять молодых красавиц и пятнадцать юных педерастов. Методика их использования была точь-в-точь такая, как описывалось в шестой главе. Поэтому повторяться не буду. Но хотелось бы отметить одну интересную деталь. СЕБЕ руководители «агентства» вживлять пропуск-чип не стали. Нет, не из-за боязни принять антихристову печать. Они опасались другого – стать жертвой программы «Час пик» (которая на самом деле называлась «Объятия Сатаны»), если компьютер внезапно даст сбой. И, допустим, угодить в зверинец Лисянского в качестве очередной порно-звезды. Задницы свои берегли. В прямом смысле слова. Потому-то все трое и хранили чипы-пропуска в пластиковой упаковке. Между прочим, данное обстоятельство здорово сыграло нам на руку, поскольку... Впрочем, не буду забежать вперед...

Когда запас знаний Ивакина иссяк, я мановением пистолетного дула приказал ему следовать в гостиную. Там нас уже дожидался Костя с Репиным. У последнего набухал под глазом громадный фингал. Вероятно, запнулся с ответом и моментально схлопотал кулаком в рыло. Я укоризненно покачал головой. Сибирцев виновато потупился. Опять не сдержался мужик. Боже мой, до чего ж довела его женушка-ведьма!

Сейчас Костя срысывается из-за любой ерунды, а вскоре начнет специально под пули лезть, смерти искать. Ох-хо-хо-о!!! Даже не знаю, чем ему помочь!..

Минут через пятнадцать подошел шеф с Калугиным. (Тогда-то мы и узнали прежнее имя существа.)

– Мило побеседовали, – объявил Рябов и, очевидно, в знак признательности отвесил Альберту – «Светику» мощного пинка. – Однако мы не имеем права на ошибку, – сурово продолжил он. – А посему, Кирилл Альбертович, приступайте к «иглоукаливанию».

– Я не успел обследовать тех двоих, – спокойно заметил Ильин.

– Шут с ними, – махнул рукой полковник, – полчаса протянут, и ладно. За это время простыми «да», «нет» мы сумеем проверить правдивость их первоначальных показаний. А ежели они чего утаили, то успеют восполнить пробелы. Тридцать минут – достаточно долгий срок!

Руководители «Альфы-К» попытались закатить истерику, но их быстро, жестко усмирили. Вновь развели по разным помещениям и начали проводить повторные допросы. На сей раз под воздействием пентонала натрия...

Глава VIII

Как и предупреждал Ильин, калугинский организм не перенес сыворотки. Существо отправилось в Преисподнюю на двадцать девятой минуте наркодопроса. Причем не из-за остановки сердца, как обычно бывает в таких случаях. Подавившись окончанием ответа на последний вопрос (смысл Рябов все-таки сумел разобрать), оно дико выпучило глаза, словно увидело перед собой нечто чудовищное. Потом взмолилось к дьяволу о помощи, напоминая о былых заслугах. Получило, надо думать, должный ответ, отчаянно завывало и сдохло в страшных конвульсиях. Зато Ивакин с Репиным выжили. Правда, выглядели они прескверно и, невзирая на введенный им антидот, напоминали выходцев из могилы. Тем не менее использование пентонала не было с нашей стороны излишней жестокостью. Так, фигуранты подзабыли имена, фамилии, координаты первых тринадцати заказчиков и вспомнили лишь под воздействием препарата. Кроме того, на первом допросе они утаили от нас некоторые вещи:

1. Альберт-«Светик» – весьма существенные нюансы, касающиеся контактов с представителями иностранных разведок, и шифровальную таблицу для связи с ними через Интернет. Существо также не сказала в первый раз, что подсунуло высокому покровителю красавицу-любовницу, фигуру достаточно известную в светских кругах, получившую в прошлом году титул «Королевы красоты» на одном из соответствующих конкурсов.

– Для подстраховки, – на вопрос «зачем?» ответило оно. – Мне нужно было держать его под постоянным контролем. Мало ли чего?!

2. Репин умолчал, что последние восемь месяцев переговоры с заказчиками проводил лично он и одновременно записывал их на скрытую камеру. (Тоже страховался, сукин сын!) Теперь, когда он дотошно разъяснил, где спрятаны кассеты, у нас отпала большая часть проблем с доказательной базой.

3. Но самый главный сюрприз преподнес нам Борис Ивакин! Оказывается, именно он являлся разработчиком «Объятий Сатаны», знал управляющий компьютер как свои пять пальцев. И, на всякий случай, «заминировал» его программой самоуничтожения. (В стражайшей тайне от подельников!!!) Активировать программу-мину можно было, набрав на клавиатуре компьютера специальный код, известный одному лишь Ивакину. А теперь, естественно, и нам!..

Тело Альберта-«Светика» забросили в кладовку-карцер. Туда же, невзирая на вялое сопротивление, запихнули Репина. А когда подошла очередь Ивакина, я вспомнил о кончине генерала Сычева (см. «Собачий оскал»), и у меня возникла занятная идея.

– Ты способен связаться с управляющим компьютером через наш ноутбук и дать ему команду на ликвидацию «объекта»? – спросил я плачущего педераста, уцепившегося за ножку стола и не желающего составить компанию подельникам.

– Да-а! Да! Да! – прохныкал он.

– Не надо, дружище. ЭТО нам понадобится, – обратился я к Косте, свирепо раздувавшему ноздри и уже занесшему кулак над плешиной головенкой разработчика «Объятий Сатаны».

– Ты хочешь уничтожить «...» прямо отсюда, не напрягая «чистильщиков», его же собственным оружием?! – с ходу догадался шеф.

– Верно, – подтвердил я.

– Умница! Гений! – восхищенно хлопнул меня по плечу Рябов. – К ордену представляю!!!

– Лучше отпуск на полгода. Или пристрелите, – проворчал я. – Замучался в дерьме копать...

– Садись, зараза, вот тебе ноутбук, – не обратив внимания на мои слова, приказал Ивакину полковник. – Начинай работать. «...» должен умереть от рук собственной любовницы. Интересно, она сейчас при нем?

– Да наверняка! – хихикнул приободрившийся педераст. – Последнее время она постоянно проживает у него в особняке, на Гривенском шоссе. Жена-то «...» умерла год назад. А дети – по заграницам учатся.

– А мы сможем наблюдать сие знаменательное событие? – полюбопытствовал шеф.

– Не извольте беспокоиться! – Ивакин припал к клавиатуре. – В цветном изображении! Со звуком! В мельчайших подробностях! Уверяю, вы останетесь довольны!

В следующий момент я отлучился ненадолго в туалет, а когда вернулся – на экране ноутбука горела огненная надпись – «Объятия Сатаны. Программа готова к запуску. Введите рабочий номер исполнителя и ИНН объекта».

Ивакин вновь пробежал пальцами по клавишам. «Исполнитель активирован – сообщила программа. – Показать картинку?»

– Да, – набрал Ивакин.

На экране появилось четкое изображение громадной, роскошной спальни, очевидно, в том самом особняке «...» на Гривенском шоссе. В помещении горел яркий свет. Пол, стены, потолок представляли собой сплошное зеркало. А в центре, на широкой кровати красного дерева, на измятых простынях лежали два обнаженных тела: пузатый, кривоногий мужик в годах и стройная обнаженная блондинка с безукоризненными формами.

– Ты прелесть, Викуша, богиня! – отдуваясь, пыхтел пузатый. – Я тебе бриллиантовое кольцо куплю.

– Мой супермужчина! – с придыханием сказала блондинка. – Не надо кольцо. Мне нужен только ты! – Она нежно провела ладошкой по вздутому, волосатому брюху.

Высокопоставленный довольно заурчал. Девушка вновь провела по брюху, но уже языком. Ее прекрасное тело затрепетало от неподдельной страсти...

– Она активирована, – в ответ на наши гневно-недоумевающие взгляды поспешил заверить Ивакин. – Просто программа выбирает удобный момент. Нет, я неправильно выразился! Не выбирает, а моделирует. Постепенно! Объект нужно заставить врасплох и стопроцентно ликвидировать. Без осечки!

... – Пить хочу, – оторвавшись от брюха, прошептала красавица. – Мой язычок совсем пересох, а ему еще много работать!

Глупо гыгыкнув, пузатый нажал кнопку в изголовье кровати. Девушка торопливо прикрылась простыней. В комнату без стука зашли два крепких, вооруженных телохранителя.

– Шампанского со льдом, – властно распорядился высокопоставленный.

– И, если можно, апельсин, – робко попросила блондинка.

– Ну конечно, мое солнышко, конечно, – погладил ее по голове «...» и грозно рыкнул охранникам: – Слышали, олухи?! Фруктов нам. Побольше! Ананасы, апельсины, манго, киви... И столовые приборы не забудьте! Живо, блин. Одна нога здесь, другая тоже здесь!

Телохранителей словно ветром сдуло...

– Вот видите?! – хихикнул Ивакин. – Программа обеспечила исполнителя оружием. Очень естественно и под вполне безобидным предлогом. Ждать осталось недолго. Скоро наступит финальная стадия.

И действительно, едва амбалы принесли заказ и на цыпочках удалились, осторожно прикрыв за собой дверь, – блондинка отпила глоток шампанского из хрустального бокала, принялась чистить ножом апельсин и внезапно, без всякого предупреждения, с обворожительной улыбкой на губах воткнула острое лезвие в горло пузатому. Тот длинно, тихо захрипел...

– Не попала в яремную вену, – с некоторой досадой отметил Ивакин. – Опять какой-то мелкий сбой. Но не волнуйтесь – она обязательно и любой ценой доведет дело до конца.

Последним усилием высокопоставленный вновь дотянулся до заветной кнопки. И, когда он ее нажимал, «Викуша», выдернув из раны нож, нанесла повторный удар. На сей раз без промаха. Содрогнувшись всем телом, «...» скончался. Вошедшие в комнату охранники сперва замерли в шоке, но когда девушка бросилась на них с окровавленным ножом в руке, выхватили «векторы» и всадили в «Королеву красоты» не менее десятка пуль, в буквальном смысле разодрав ее в клочья...

– Собаке собачья смерть, – досмотрев «прямой репортаж», – сказал Рябов. – Ну-с, Ивакин, ты славно потрудился. Теперь очередь за нами – пойдем запускать программу самоликвидации в управляющем компьютере. Костя, в карцер говнюка!..

Минут через десять, когда мы с полковником, обсудив детали предстоящей операции, вышли в коридор (Сибирцева оставили сторожить пленных и ноутбук), из карцера донеслись злорадный хохот Репина и отчаянный вопль Ивакина:

– Господа офицеры! Постойте! Не надо идти в офис! Ведь компьютер, само ликвидируясь, обязательно уничтожит все людские «придатки»!

– А тебе что за печаль?! – фыркнул Владимир Анатольевич.

– Владька... сука...вчера, обманом, подсунул мне на подпись прошение о микрочипе... И сегодня, пока я спал... вживил под кожу!.. Решил взять меня под полный контроль!!! У-у-ух, гадина!!! – прорыдал разработчик.

– Пока мы доберемся до офиса, у тебя будет время с ним поквитаться, – холодно заметил шеф. – Прощай, урод! – И, пропустив меня вперед, с силой захлопнул входную дверь...

* * *

Операция прошла без сучка без задоринки. Воспользовавшись карточками с чипами, мы беспрепятственно проникли в пустое здание. Благодаря полученным от Ивакина сведениям с легкостью запустили программу самоликвидации управляющего компьютера, спокойно вышли на улицу, уселись в «Волгу» и вернулись обратно на Смоленскую. На пороге нас встретил Сибирцев.

– Порядок? – спросил он.

– Полный, – улыбнулся полковник. – А у Вас?

– Собачьи бои, – поморщился Костя.

– ?!!

– Ивакин в точности последовал Вашему совету, а Репин в долгу не остался, – пояснил майор. – Вы сразу захлопнули дверь, а потому не слышали, как в кладовке такое началось – закачаешься! Хоровой звериный рык, перемешанный с матюгами, визг, вой, шип гадючий... Вообще словами не передать! Альбертыч аж уши заткнул и ушел в самую дальнюю комнату. До сих пор там сидит. Схватка продолжалась минут десять. Потом все стихло.

– И кто победил? – любопытствовал я.

Вместо ответа Сибирцев распахнул обитую железом дверь и включил в карцере свет. Поверх калугинского трупа лежали намертво сцепившиеся Ивакин и Репин. Оба с перегрызенными глотками. Физиономии покойников застыли в столь лютой, нечеловеческой ненависти, что даже мне, толстокожему, стало не по себе...

Эпилог

Смерть господина «...» в СМИ особо не афишировалась. Только в двух-трех изданиях появились официальные некрологи, типа: «...скоропостижно скончался в расцвете сил видный, заслуженный... с безукоризненной репутацией... Президент выразил искреннее соболезнование родным и близким... и т. д.» Да еще по телевидению передали несколько фраз в том же духе.

Заказчиков убийств либо арестовали, либо потихоньку «зачистили». (В зависимости от статуса.) Разоблаченных резидентов всех трех разведок выдворили из страны. Они, как водится, работали в посольствах и пользовались дипломатической неприкосновенностью. А полутора десятками нелегалов, связанных с «Альфой-К», занялось ведомство генерала Нелюбина. Не знаю, что там с ними сделали, но уверен – их участи не позавидуешь! Как уже упоминалось выше, управляющий компьютер в процессе самоликвидации поголовно уничтожил человеческие «придатки». Они (компьютеры) всегда так делают, поскольку считают чипированных неотъемлемой частью самих себя. Мы однажды сталкивались с подобным явлением летом 2004-го (см. «Технология зла»). Сорок пять молодых красавиц и пятнадцать «голубых мальчиков» скончались в ту же ночь. Все (за исключением «Викуши») от инфарктов и инсультов. Причем одна, некая Татьяна Новикова, спустя секунды после выполнения задания по ликвидации средней руки криминального авторитета Николая Гвоздева, больше известного под кличкой Гвоздь.

И вот она-то неожиданно оказалась в центре внимания общественности! Разумеется, с подачи наших падких на безопасные сенсации газет и журналов. Порой даже не совсем «желтых». Татьяне посвятили пару десятков обширных статей, где ее преподносили как бедную, юную, наивную девушку из провинции, обольщенную богатым развратником Гвоздем. (На самом деле Новикова была дочкой обеспеченных родителей, коренной жительницей Н-ска, имела за плечами университетское образование и в студенческие годы подрабатывала платными сексуальными услугами сокурсникам-иностранцам.)

«Сказка, превратившаяся в кошмар!»... «Золушка в лапах Синей Бороды!»... «Она отомстила за себя!»... «Горький вкус обиды!»... «Кровавая цена короткого счастья!» – кричали заголовки газет. История мадемуазель Новиковой излагалась отечественными папарацци следующим образом: приехала из далекой провинции поступать в театральный институт... (это в двадцать девять лет-то!)... провалилась на экзаменах и, преисполненная отчаяния, угодила в паучьи сети похотливого Гвоздя, который представился Прекрасным Принцем. Поначалу он ее холил, лелеял, одевал, обувал и, разумеется, использовал в качестве любовницы.

Однако спустя некоторое время Танюша наскучила пресыщенному Гвоздю и в один прекрасный день (вернее, в ночь) застала его в объятиях новой пассии. Вот окончание одной из статей. Финал жизненного пути «злополучной Золушки» они описывали почти одними и теми же словами, поэтому прочие можно не цитировать:

«...Из спальни доносилась подозрительная возня. Танюша открыла дверь и... обмерла, не веря своим глазам. Ее любимый, ненаглядный, единственный барахтался на кровати в объятиях размазанной потаскушки.

– Закрой дверь с обратной стороны. Не видишь, я занят, – сквозь зубы процедил Гвоздь.

– Но... Но... – несчастная девушка не находила слов.

– Но ты мне надоела, деревенская лохушка, – цинично ухмыльнулся бандит. – Убирайся отсюда!

Внутри девушки что-то безнадежно оборвалось. Окружающий мир рухнул. Глаза застлала черная пелена.

Гвоздь говорил еще какие-то гадости, но Танюша его больше не слышала. Действуя, как сомнамбула, она взяла в руки каминную кочергу.

– Ты чо, шалава, ты чо?! – ошалело забормотал Гвоздь.

Девушка медленно подошла к кровати.

– Ты чо, охрене... – закончить фразу бандит не успел. На его голову обрушился сокрушительный удар. Когда Танюша опомнилась, то увидела разможенный череп любимого, кровь и мозги на подушке, а также забившуюся в угол, визжащую от ужаса разлучницу... (Далее с десятков пустых, напыщенных фраз, которые можно опустить в целях экономии бумаги и нашего с вами времени.)

...И тогда в сердце девушки вонзился невидимый, добела раскаленный нож. Она пошатнулась и мертвой упала на пол. Юное сердце не выдержало столь жестокого испытания...»

Затем шли обычные в подобных случаях рассуждения. А к двум статьям прилагались комментарии дипломированных психологов. О судьбе же «размалеванной разлучницы» (которой, кстати, вообще не существовало в природе) нигде ничего не сообщалось.

Не удержавшись от искушения, я принес шефу подборку вышеуказанных статей и молча выложил на стол. Полковник читал, плевался, сумел осилить три с половиной «шедевра», а остальное просто порвал и выбросил в мусорную корзину. Вот так и закончилась наша история.

Впрочем, закончилась ли?! Недавно по телевизору передавали репортаж с одного из голубоградских предприятий. (Голубоград, город-спутник Н-ска, недавно объявленный Наукоградом.) А означенное предприятие производит микрочипы! И репортер вздохнул рассказывал о достижениях отечественной промышленности, о развитии высоких технологий и утверждал – благодаря им Россия вскоре перестанет быть только экспортером сырья, а превратится... О-го-го, во что превратится!!! И так далее и тому подобное...

Высокие технологии – это, конечно, хорошо. Но неужели все они сводятся к чипам с личными номерами граждан и с обязательными тремя шестерками?! Бред какой-то! Или... сознательная, целенаправленная политика?!!

Ладно, не будем отчаиваться. На все воля Божья! Быть может, Он и помилует Россию, как предсказывал преподобный Серафим Саровский. Лично я, майор Дмитрий Корсаков, очень на это надеюсь!!!

Правда, чтобы предсказание сбылось, мы должны сами стать лучше и прекратить выслуживаться перед мировым масонством. А напоследок мне бы хотелось напомнить вам слова Апокалипсиса, уже две тысячи лет известные всему человечеству:

«Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

[Откровение Св. Иоанна Богослова. XIII, 18]

Штрафники

Все имена, фамилии, прозвища действующих лиц, равно как и названия улиц, городов, фирм, гостиниц, радиостанций и т. д., – вымышлены. Любые совпадения случайны.

Пролог

20 мая 2006 г. Н-ск.

Около десяти часов вечера

День сегодня выдался ясный, теплый, но к вечеру заметно похолодало, а в небе сгустились тяжелые тучи и нудно засочились мелким дождем. Вдобавок ко всему с севера начал поддувать настырный порывистый ветер. Майор Сибирцев зябко ежился (китайская ветровка с Чермизовского рынка не защищала ни от ветра, ни от дождя), но шагу не прибавлял. Нет, не подумайте, Константин отнюдь не испытывал себя на прочность и не занимался закаливанием по некоему само изобретенному методу. Просто ему ужасно не хотелось возвращаться домой, в свою квартиру, с некоторых пор напоминающую филиал ада. «Подлая тварь! Животное! И где были мои мозги десять лет назад? Нашел себе хомут на шею. Вернее, не хомут – ярмо! Свинцовое, блин! Нет, больше я так не могу. Пора с этим заканчивать!!!» – угрюмо думал он.

Вышеуказанные мысли майора относились к его супруге Алле... и, если честно, совсем не являлись преувеличением. Жена майора Сибирцева действительно была сокровище еще то!!! В начале 96-го она упорхнула из гниющей, разваливающейся (но независимой!) Молдавии в Россию-империалистку и каким-то образом сумела охмурить, а вскоре и женить на себе молодого лейтенанта ФСБ Сибирцева. Первое время жили они вместе великолепно! Юная молдаванка казалась примерной женой: старательно вела домашнее хозяйство, родила Косте одного за другим двух прелестных детишек-погодков (мальчика и девочку), была ласковой, нежной, заботливой... В общем, Костя души в ней не чаял, на руках носил. Используя служебное положение, он добился для «милрой Аллочкн» ускоренного получения российского гражданства и... пошло-поехало!!! Мадам Сибирцева (в девичестве Коцумери) изменилась буквально на глазах, превратившись в то самое, о чем думал майор пару минут назад. Известно, что именно стало подлинной причиной столь прискорбного перерождения. Суевренная Костина тетка бормотала то ли о порче, то ли о родовом проклятии. Кирилл Альбертович строил заумные психологические теории. А вот лучший друг Сибирцева майор Корсаков считал – все тут проще пареной репы и, ссылаясь на фильм «Собачье сердце», утверждал: Алла – обыкновенный Шариков в юбке. Была приблудной собачонкой – ластилась, получила человечьи права – охамела...

Так или иначе, но жизнь Сибирцева становилась все хуже и хуже, а за последний год превратилась в сущий кошмар. Алла забросила детей, наплевала на мужа и на хозяйство, обзавелась кучей развеселых подруг и в рекордно короткие сроки спилась. Памятуя о чудесном исцелении от пьянства Ильина (см. «Пропуск в ад»), Сибирцев предложил ей съездить в Высоцкий мужской монастырь к иконе «Неупиваемая чаша», но «Шариков в юбке» наотрез отказалась, дескать, «не тебе меня учить», и обложила мужа нецензурной бранью. А в завершение – запустила утюгом в голову девятилетнего сына Саши, рискнувшего заступиться за отца. (По счастью, промахнулась.) После этого случая родители Сибирцева спешно забрали детей к себе. Алла же продолжала шляться по подружкам, неизменно напиваясь вдрызг, а четыре дня назад плавно перешла в празднование своего дня рождения. Сие знаменательное событие отмечалось на квартире Сибирцевых, благо муж уехал в короткую командировку. Но вчера вечером майор неожиданно вернулся раньше срока, без лишних слов выставил за дверь всклокоченных подруг, забрал у бревнообразно пьяной супруги ключи от квартиры, а утром, уходя на службу, запер ее дома, в надежде, что к вечеру «лучшая половина» протрезвеет, и они смогут относительно спокойно поговорить о разводе.

...На лестничной площадке неподалеку от двери Сибирцевых стояли три пустые водочные бутылки и валялся пластиковый стаканчик. По полу были разбросаны окурки со следами губной помады. По углам виднелись лужи мочи. Очевидно, изгнанные вчера подруги заявили сегодня снова, но, по известной причине, проникнуть в квартиру не смогли и «подняли бокалы за здоровье именинницы» прямо на лестнице. А потом здесь же облегчились. «Хорошо хоть не насрали!» – с тоской вздохнул Константин, поворачивая ключ в замке. Из квартиры тяжело пахло водочным перегаром и еще какой-то тухлятиной. Не снимая обуви (все равно пол загажен донельзя!), майор повесил ветровку на вешалку, миновал грязный, заплесанный коридор и заглянул в спальню жены. Абсолютно голая Алла надрывно храпела, вольготно разметавшись в озерце собственной блевотины. Рядом на журнальном столике гордо возвышалась опорожненная на две трети бутылка «Гжелки» и лежал на боку замызганный фужер в окружении неаппетитного вида огрызков.

«Сволочь!!! – заскрипел зубами Сибирцев. – Вот те и поговорили!!! Интересно, где она добыла водку?! Я же тут все вчера обыскал! Все вылил и выбросил! Или плохо искал?! А впрочем... свинья грязь всегда найдет!!!»

Подойдя к кровати, он брезгливо, двумя пальцами взял за горлышко бутылку и направился в туалет – «поить унитаз».

– Стой! – вдруг прозвучал за спиной сиплый, ненавидящий голос. – Не смей этого делать. Пожалеешь!!!

Майор резко обернулся. Супружница уже не лежала, а сидела враскорячку на облеванной постели, вперившись в него мутным, бешеным взглядом.

– Отдай, гад! – зло потребовала она. – Молодость мою загубил, жизнь испортил, а теперь день рождения поганишь?! Сука! Пидор! Козел мутный!.. – тут именинница смачно рыгнула и с треском испортила воздух. – Попрошу пардону, – издевательски скривила она опухшее лицо с прилипшим в уголке рта ошметком блевотины. – Не удержалась. Я женщина слабая, а ты, чмо, все мое здоровье забрал!

– Я?! Забрал?! – задохнулся от возмущения Сибирцев. – Может, еще и соблазнил?! Насильно в ЗАГС затащил?!

– Конечно, затащил! – снова рыгнув, убежденно кивнула Алла. – А затем нервы, на хрен, вымотал! Командировки... ранения... госпиталя... Борец за идею хренов! Если бы не ты, вышла бы я замуж за олигарха и жила бы себе припеваючи на Гривенском шоссе... Отдай, говорю, бутылку, сука!

С трудом подавив искушение пристрелить «благOVERную», Константин молча прошел в туалет, сорвал старательно завинченную пробку и вылил водку в унитаз. Вслед ему неслись отборные матерные ругательства, перемежаемые воплями: «Чтоб ты сдох!!!»

Внезапно наступила тишина.

«Может, спать завалилась?! – с надеждой подумал майор, вышел из туалета и... чуть не столкнулся с по-прежнему голой, растрепанной, перемазанной блевотиной женой. Константин гадливо отшатнулся назад. Алла между тем, пошатываясь, прошла на кухню и осталась возле незанавешенного окна.

– Пожалуй, я тебя прощу, – милостиво объявила она. – Но при одном условии: давай займемся сексом здесь и сейчас. Бурным, блин, африканским! А после ты сгоняешь в темпе в магазин за новой бутылкой. Отметим вместе мой день рождения.

На несколько секунд Сибирцев онемел от столь дикой, вопиющей наглости, чем, несомненно, вновь разозлил алкоголичку.

– Ты что, оглох, чмо?! – яростно заорала она. В заплывших глазах вспыхнули безумные огоньки. – Чеши сюда, б...ь, бегом!!!

– Грязное животное! – обрел дар речи майор. – Сексом?! С ТОБОЙ?! Да ты хотя бы в зеркало посмотрелась!!!

– Ах, та-а-а-ак!!! Ну, получай!!! – в голову Константина полетела чугунная сковорода. Защитившись подставкой предплечья (уклониться в узком коридоре никак не получалось), Сибирцев метнулся на кухню и попытался поймать за руки беснующуюся супругу. Но не тут-то было. Полоснув мужа по лицу наманикюренными ногтями, Алла резво отпрыгнула в сторону, сорвала со стены топорик для рубки мяса и, широко размахнувшись, ударила Сибирцева по голове. Бывший спецназовец машинально увернулся, и остро заточенное лезвие, вместо того чтобы раскроить майору череп, почти пополам разрубило небольшой кухонный столик.

– Б...ь! – разочарованно взвизгнула уроженка солнечной Молдовы, вооружаясь кухонным ножом. – Убью на х. й! Пидор! Тварь!.. А-а-а-а! Больно-о-о! Отпусти-и-и-и-и-и!!!

Специальным захватом пленив атакующую конечность, Сибирцев вывернул кисть (нож со стуком упал на пол). Свободной рукой ухватил жену за волосы, отволол в спальню, швырнул лицом в блевотину на простыне и, выпростав из брюк ремень, быстро связал ей руки за спиной. Затем шнуром от гардины крепко стянул ноги в щиколотках. Супруга отчаянно задергалась, стараясь освободиться. Но вскоре убедилась в тщетности своих попыток и сдавленно прохрипела:

– Убивать будешь?! Да?!!

– Дура! Ох, дура! – покачал головой Константин, подошел к телефону и набрал номер «Скорой психиатрической». Алла замерла, прислушиваясь к тому, что говорил муж оператору.

– Десять минут. Максимум – пятнадцать! – внимательно выслушав Сибирцева и записав адрес, заверили на противоположном конце линии.

– Не опаздывайте, – буркнул майор, положил трубку на рычаг и устало опустился в кресло, каким-то чудом не запачканное в период известного читателю праздника.

– Ну и гнилой же ты мужик, – сопливо промычала мадам Сибирцева. – Изверг! Садист! Я же хорошая, а ты чертей вызвал. С вилами!!!

Константин молча стиснул зубы.

– Они уже давно здесь, – свистящим шепотом продолжала алкоголичка. – По углам сидят, дразнятся, языки кажут. Но эти не опасные – так, шестерки! А ты вызвал главных, матерых, которые рвут женщин до горла железными членами. Вы, эфэсбэшники, давно с ними сотрудничаете. И тебе сегодня приказали меня сдать! Будь ты проклят, сука! Чтоб ты сдох!!! Чтоб тебе...

«И это существо я любил! Родной, единственной называл! – не слушая жену, с горечью думал майор. – Хорошо, хоть дети не в нее пошли! Недаром она с некоторых пор по-настоящему возненавидела сына с дочерью. Ругает их матерно, орет по любому поводу, обзывает «папиными прислужниками»... Но каково детской психике переносить ТАКОЕ! Господи, и за что нам подобное наказание?!!!»

Послышался длинный звонок в дверь. Поспешно вскочив на ноги, Сибирцев бросился открывать.

– Чтоб ты сдох, сдох, сдох!!! – с ненавистью несло ему вдогонку.

В квартиру деловито зашли худощавый доктор в очках и два дюжих санитара. Сразу после их появления «родная, единственная» сменила пластинку и, вместо ругани и проклятий, принялась молить о пощаде. Связанное тело содрогалось в ужасающем ознобе.

– Алкогольный делирий, а может, алкогольный паранойд, – бегло осмотрев больную и выслушав лаконичный рассказ майора, констатировал врач. – Более вероятен второй вариант. «Белочка» редко возникает на пике пьянства, да и симптомы... Ладно, в клинике окончательно разберемся. Но, так или иначе, случай тяжелый. Требуется серьезного стационарного лечения. Вы согласны?

Сибирцев мрачно кивнул.

– Тогда распишитесь для начала вот здесь, – протянув Константину какую-то бумагу, он сделал знак санитарам. Бугаи сноровисто замотали несущую всякий бред женщину в пластиковое покрывало, пристегнули ремнями к носилкам и вынесли из квартиры. Вскоре, оформив необходимую документацию, ушел и доктор. Оставшись в одиночестве, майор хотел было немного прибраться в комнате, но потом махнул рукой, уселся обратно в кресло и установился в пустоту невидящими глазами...

Глава I

*Майор ФСБ
Корсаков Дмитрий Олегович.
30 лет, русский,
беспартийный, неженатый*

*5 июня 2006 г. Н-ская область.
17 час. 45 мин.*

– Фьють-фьють-фьють, – пули срезали ветки дерева метрах в трех над нашими головами.

– Фьють-фьють, – еще две впились в ствол старой березы неподалеку.

– До фи́га у них патронов. Не жалея, расходуют, – заметил замаскировавшийся слева от меня капитан Горошко.

Лежащий справа майор Сибирцев поднес к глазам бинокль.

– И чего мы ждем? – спустя десять секунд хмуро спросил он. – У нас уже двое раненых. Один – тяжелый. Отдавай приказ на штурм!

– Не горячись, Костя. Дождемся хотя бы сумерек, – покусывая травинку, сказал я. – Не стоит дуриком лезть, ребят подставлять. К тому же не забывай, КАКАЯ у них там начинка. Не дай Бог рванет – и не видать нам Анвара, как своих ушей.

– Можно подумать, сумерки намного облегчат задачу! – желчно возразил Сибирцев.

– На безрыбье и рак рыба, – философски пожал плечами я.

– Первый, на связи Пятнадцатый. Вижу цель, – прорезался в рации снайпер-«омеговец».

– Кто?

– Охранники с «калашом».

– По пулям!

– Понял...

– Фьють... фьють... фьють... фьють, – на сей раз пули легли в опасной близости от Горошко. Капитан выругался.

– Цель уничтожена, – снова возник в «Кенвуде» Пятнадцатый.

– Интересно, а кто оттуда по нам старательно долбит? – поинтересовался я. – Судя по всему – пристреливается. Ты чем охранников снимать, лучше этого хмыря поищи. Возможно, он твой коллега. По крайней мере, отчасти.

– Есть! – шепотом рявкнул снайпер и «ушел» с частоты. Начал вычислять «коллегу».

Да, извините, забыл прояснить ситуацию. Я не поменял место службы и по-прежнему работаю в отделе полковника Рябова. И «омеговцы» не являются моими новыми соратниками. Они, как обычно, просто с нами «в связке». Но сегодня в начале операции был, по нелепой случайности, тяжело ранен командир их группы майор Шувалов. И начальство, ничтоже сумняшеся, перепоручило «омеговцев» мне. Дескать, на – владей! Опыта у тебя предостаточно. Сам когда-то в спецназе служил. Да и общее руководство операцией изначально на твоей совести. Короче, дерзай, майор! Родина на тебя надеется! Но ежели вдруг облажаешься... Тут начальство выдержало десятисекундную паузу, сердечно пожелало удачи и исчезло из эфира.

Грозная пауза полковника Машкова (вот уже семь дней он заменял Рябова, отбывшего с секретным заданием куда-то в сторону Кавказа) меня особо не смутила. Опыта проведения

спецопераций у вашего покорного слуги хватало с избытком. И все бы сегодня прошло как по маслу, если бы... Однако не будем забегать вперед!..

Результатом первой недели правления Машкова (недавно переведенного в Н-ск из Питера) стал достаточно скромный на вид небольшой заводик. Он стоял на травянистом пустыре в двух километрах от окраины захолустного городка под названием Зареченск. Трехэтажное здание из потемневшего кирпича, обнесенное бетонным забором. Камеры наблюдения над воротами. Охранник в будке на проходной. На первый взгляд типичное предприятие среднего (или малого?) бизнеса, о развитии которого так пекутся на словах наши государственные мужи. Правда, в настоящий момент камеры были разбиты прицельными выстрелами, часть забора снесена гранатометами, а охранник вместе с товарищами периодически палил из окон по «зеленке», где залегли мои ребята и временно усыновленные «омеговцы». Хотя... может, уже и не палил, а валялся с простреленной головой. Кто его знает. Омеговские снайперы – ребята серьезные...

– Фьють... фьють... фьють... Блин! – Андрей Горошко схватился за левое предплечье.

– Хорошо, вскользь прошла, – ощупав рану, проворчал он и достал из кармана «разгрузку» ИПП. – Но снайперок наш мышей не ловит, – перевязывая рану, добавил капитан: – Хмырина тот до сих пор жив-здоров и, видать, окончательно пристрелялся. Следующая пуля будет кому-нибудь в башку. Спорим, командир?!

– Пятнадцатый! Ответь Первому! – яростно прошипел я в рацию.

– На приеме, – неохотно отозвался «омеговец».

– Ты! Нашел! Коллегу?!!!

– Почти. Обождите немного...

На минуту в эфире воцарилась тишина. Затем, как мне почудилось, оттуда донесся слабый хлопок.

– Цель уничтожена, – спустя еще пару секунд, спокойно доложил снайпер.

– Молодец. Продолжай в том же духе, – моментально остыв, похвалил я.

– Есть продолжать...

Прошло пять минут, семь, восемь. «Фьють-фьють» вблизи от нас больше не было. Но из других окон продолжали достаточно активно простреливать «зеленку». Сколько бы ни осталось там боевиков Анвара, но дело свое они знали туго. Не поспешил, сукин сын! Настоящих «профи» нанял. И-эх-х! Жахнуть бы сейчас из гранатометов по всем отверстиям в чертовом домишке. Но, к сожалению, нельзя. Может сдетонировать, не приведи Господи!..

Место, надо отдать должное, они выбрали грамотно во всех отношениях. И городскую администрацию до слез умилили – «Ах, как пекутся господа предприниматели о безопасности граждан!» (Официально заводик производил праздничную пиротехнику.) И территория вокруг отлично просматривается. Незаметно не подберешься. Ближайшие лесопосадки (та самая «зеленка») находились в двухстах с лишним метрах от объекта. Очень удобно отражать возможный штурм. Ведь пиротехника являлась всего-навсего прикрытием, и, по нашим агентурным данным, здесь изготавливались в промышленных масштабах разнообразные взрывные устройства. К сожалению, агентам не удалось выяснить, кому конкретно они предназначались, а посему хозяина производства – уроженца Дагестана Анвара Саидова – начальство требовало взять живым. Но если заказчики адских машин оставались пока загадкой, то информация насчет заводика и личности его хозяина была достаточно полной...

Анвар Магометович Саидов родился в Хасавюрте в 1960 году в семье партийного номенклатурщика средней руки. По окончании средней школы получил золотую медаль (заслуженную, кстати), отправился в столицу и с первого захода поступил в МХТИ, который закончил с красным дипломом. Потом работал в целом ряде крупных, именитых НИИ. Но по причине сварливого характера больше года-двух на одном месте не задерживался: вдрызг разругивался с руководством и писал заявление об уходе «по собственному жела-

нию». Однако новую работу Саидов находил быстро, без проблем, нисколько не теряя ни в деньгах, ни в должности. Уже и тогда его знали в определенных кругах как высококлассного специалиста и, невзирая на скверный нрав, охотно зачисляли в штат. В середине 80-х Анвар попался на изготовлении синтетических наркотиков, но любящий папаша (выросший к тому времени до республиканского уровня) сумел отмазать сыночка от тюрьмы, и Саидов-младший остался на свободе, отделавшись легким испугом. В начале 90-х он увлекся идеями ваххабизма, прошел подготовку в специальном лагере в Турции и с тех пор активно сотрудничал с мятежниками на Северном Кавказе, а также с турецкой разведкой. Наши источники характеризовали его как умного, хитрого, изворотливого, безжалостного субъекта, в критических ситуациях склонного к неожиданным, на первый взгляд авантюрным, но в конечном счете удачным решениям. Вероятно, именно поэтому он до сих пор оставался не только жив, но и на вполне легальном положении, под своей собственной фамилией...

Боевики-охранники представляли собой интернациональный сброд (кавказцы, славыне, афганцы и вообще не пойми кто). Вместе с тем, как упоминалось выше, они обладали достаточно высокими профессиональными навыками...

А взрывные устройства делали рабочие-молдаване. Но не привычные всем нам полуграмотные гастарбайтеры, готовые хвататься за любую работу. Господин Саидов набрал себе через Интернет людей с высшим химико-технологическим образованием. Между прочим, он не скрывал от них подлинный характер будущей работы. Тем не менее данное обстоятельство ничуть не смутило представителей молдавской технической интеллигенции, и от желающих изготавливать бомбы в подпольном цеху буквально отбоя не было. Опять-таки при помощи Интернета Анвар Магометович провел суровый конкурсный отбор среди многочисленных претендентов, забраковал порядка сотни недоучек и наконец выбрал пятнадцать счастливиц, коим пообещал по три тысячи долларов в месяц каждому, бесплатное питание и бесплатное жилье со всеми удобствами. На первых порах завербованные молдаване пребывали на седьмом небе от счастья. Еще бы! Новый хозяин организовал им легальный выезд в страну, оформил виды на жительство, был безукоризненно вежлив, добродушен и прочая, прочая, прочая... Так продолжалось вплоть до прибытия образованных гастарбайтеров на известный читателю заводик. И вот тут-то начались неприятные сюрпризы. Под дулами автоматов саидовских боевиков у молдаван забрали паспорта и объявили:

1. Жить будете здесь в цеху.
2. Кормежка бесплатная, но не ресторанная. Уж не взыщите.
3. Получать будете по 50 \$ в месяц, но не на руки. Мы будем пересылать деньги вашим родственникам, дабы не вызывать у них подозрений.
4. В случае побега кого-нибудь из вас, к его домочадцам приедут несколько «веселых ребят» и отрежут им головы.

Все поняли?! Вопросы есть?! Тогда за работу, быдло!!!

— Если все-таки рванет, то рабочих мне будет ни капельки не жаль, — вновь посмотрев в бинокль на плюющие свинцом окна, сказал Костя. — Ведь знали же, твари, на ЧТО идут. Бомбы делать, которые взрываются на русских улицах, в автобусах, в домах, в самолетах... Но им плевать. Лишь бы денежку платили. Мол-да-ва-не! — По губам Сибирцева скользнула брезгливая усмешка. — Это даже не люди, а животные: тупые, жадные, ленивые, бесовестные и неблагодарные. Нет, Дима, я не сочувствую Саидову, но в данной ситуации он поступил абсолютно правильно. С молдаванами иначе нельзя! Им место только в рабах! Под дулами автоматов, за гроши да за миску похлебки они будут работать быстро, качественно, эффективно и сапоги тебе лизать. Просто так, ради профилактики. А обойдешься с ними по-человечески — вмиг усядутся на шею, да в придачу и насрут там же!..

Зная недавнюю историю с Костиной женой, находящейся сейчас в психушке, я спорить не стал. Напротив, одобрительно кивнул, типа — «да, дружище, ты прав»... Но не подумайте!

Я отнюдь не считал животными ВСЕХ молдаван. А вот что касается рабочих заводика, то да! Они однозначно свиньи. Не тупые, разумеется (таких Анвар на конкурсе отсеял), но жадные и бессовестные – это факт! Если Вы сами, Ваши родные, близкие и друзья не ходите по улицам, не ездите в метро, не пользуетесь наземным общественным транспортом и подземными переходами, не летаете на самолетах, не ложитесь спать в обычных многоквартирных городских домах (особняки на Рублевке еще никто не взрывал) – можете, конечно, считать иначе...

– Лейтенанта Кошкина зацепило, – сообщила рация голосом капитана Филимонова.

– Сильно?

– Кость на ноге перебита.

– Блин! – шепотом ругнулся я. – Эдак до темноты они полгруппы «пометят». Минимум! Хорошо, если не по нулям. – И, подумав с минуту, вызвал на связь снайпера.

– Прежний приказ отменяется, – объявил я ему. – Не спрашивай всякий раз подтверждения, а вали все, что там мелькнет или шевельнется.

– Понял! – радостно откликнулся Пятнадцатый.

– Давно бы так, – буркнул Сибирцев.

– А если он по случайности Саидова замочит? – усомнился капитан Горошко. – Машков тебя за это живым сожрет. Без соли!

– Не замочит. Анвар – товарищ хитрый, многоопытный, высовываться не будет, – без особой уверенности сказал я.

Андрей с сомнением покачал головой, но перечить не стал.

Прошло около получаса. Огонь из окон практически сошел на нет. Видать, «отвязанный» снайпер времени даром не терял.

«Ну и умница же ты, Корсаков! – мысленно возгордился я. – Тактический гений, блин! Теперь штурм не проблема. Сколько у него осталось боеспособных наемников? Один? Два?! Правда, взрывчатки в здании до фига, но с ней...»

– Говорит Анвар Саидов, – внезапно разнесся по пустырю усиленный мегафоном властный баритон. – Господа эфэсбэшники, прекращайте стрельбу. Будем вести переговоры!

– Сдаться хочешь? – также в мегафон спросил я. – Тогда нечего попусту болтать. Выходите по одному, с поднятыми руками...

– Ты неправильно понял, командир, – насмешливо возразил баритон. – Переговоры не о сдаче. У меня в подвале куча заложников, и я собираюсь сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться...

Глава II

Заложники?! – пораженно переглянулись мы с Костей. Откуда им там взяться?! Чушь какая-то! Не с неба же свалились! Перед началом операции содержимое заводика тщательно проверили при помощи новейшей, шпионской аппаратуры, в которую потом попало несколько пуль. (Ох и разорется же полковник Машков!) Так вот, проверили, значит, и никого лишнего внутри не обнаружили. Пятнадцать рабочих, двадцать пять головорезов, плюс сам хозяин (по совместительству бухгалтер, главный инженер и зав. производством). С тех пор, по понятным причинам, никто посторонний в здание не проникал... Сделали вылазку через подземные коммуникации, отловили в окрестностях несколько мирных граждан и уволокли в плен? Бред сивой кобылы! По имеющейся у нас достоверной информации, трубы и тоннели, пригодные хотя бы для проползания сквозь них человека, здесь отсутствовали. Иначе мы бы уже давно находились в родной Конторе, с Анваром Магометовичем в качестве главного трофея. Или небольшая ошибочка вышла, и потайной ход все-таки есть? Но тогда чертов химик благополучно бы смылся вместе с поделниками...

– Анвар, у тебя голова в порядке? – крикнул в мегафон я. – Никаких заложников нет и быть не может. Твою берлогу просветили насквозь. Хватит дурака валять. Сдавайся похорошему. Или ты наркоты обожрался?!

– Голова у меня в полном порядке, – спокойно ответил Саидов. – А ваша хваленая аппаратура «видит» далеко не все. Скоро сами убедитесь. Короче так, я пришлю к вам одного заложника... Забирайте, дарю! У него на шее будет висеть магнитофон. Прослушайте запись. Тогда поймете ситуацию...

– Прекратить огонь, – передал я по радиации подчиненным. – Будем ждать заложника-парламентера. Взрывотехникам – готовность номер один! Он может оказаться с сюрпризом!.

Стрельба с обеих сторон стихла. Прошло несколько томительных минут. Наконец сквозь пролом в заборе неуклюже выбрался мужик со связанными за спиной руками и, спотыкаясь, поспешно зашагал к «зеленке». На шее у него болтался небольшой продолговатый предмет. Сверхмощная бомба в миниатюрном исполнении?! Подойдет и... воронка диаметром несколько метров. От Саидова всякого можно ожидать!

– Шлепнуть бы его от греха подальше, – тихо сказал Сибирцев.

– Эй вы, там, если боитесь, что он заминирован, пристрелите, а к телу высылайте саперов, – словно услышав Костины слова, хохотнул в мегафон Анвар. – Но только даром время потеряете. А его у вас не так уж много!

Заложник между тем прошел две трети пути. Это был пожилой сутуловатый мужчина с сильной проседью в темных волосах, одетый в некогда приличный, но сейчас изношенный, испачканный и рваный костюм. На заросшем, невымытом лице просматривались следы подживших ожогов. Лоб блестел от пота. Бледные губы сильно дрожали.

– Е-мое! Да это же молдаван-химик! – хлопнул себя по лбу Сибирцев. – Из тех, кто прям рвался в Россию бомбы для террористов мастерить за три штуки баксов в месяц! Не сладко ему жилось у Саидова: с деньгами обманули, держали в подвале, кормили баландой. Но сути дела это не меняет. Соучастник он и есть соучастник, пусть даже очень зачмыренный! Н-да-а! Башка у Анвара конкретно съехала набекрень. Неужто он вообразил, будто мы согласимся считать заложниками этих свиней?! Ну, крети-и-ин!!!

– Что-то тут не так, – покачал головой я. – Саидов не похож на сумасшедшего и уж точно не кретин. По уровню развития интеллекта он далеко превосходит обыкновенного бандита. Вспомни характеристику: «Умен, хитер, изворотлив. В критических ситуациях склонен к неожиданным, на первый взгляд авантурным, но в конечном счете удачным реше-

ниям». Если он решил разом превратить соучастников в заложников, значит, изобрел некий оригинальный способ!

– А по-моему, Дима, ты его переоцениваешь, – криво усмехнулся Сибирцев. – Он же не старик Хоттабыч, подобные чудеса творить.

– Не знаю, не знаю, – пробормотал я. – Но сердце чует неладное.

– Заложник чист, – доложили по радиации взрывотехники. – Магнитофон вроде бы тоже...

– Вроде бы?! – насторожился я.

– Включали – работает, не взрывается. Приборы ничего не обнаружили. А собаки у нас нет. Или разобрать его по винтикам? Только это много времени займет, не менее часа.

– Не надо разбирать, – подумав, решил я. – Со временем у нас напряженка. Да и сдается мне, «сюрприз» совсем иного рода. Короче – передайте и то и другое капитану Филимонову. Пускай ждет нас на поляне. Там и запись прослушаем, и с молдаваном побеседуем...

* * *

Упомянутая поляна находилась метрах в трехстах от того места, где мы залегли. Она была окружена достаточно толстыми, престарелыми деревьями и благодаря им не просматривалась из окон чертова заводика. Посередине стояло несколько кем-то принесенных, обработанных топором пеньков и чернело выложенное обломками кирпичей костровище. Очевидно, сие уютное местечко некогда облюбовали шашлычники. К нашему с Костей приходу капитан Филимонов успел привести сюда «заложника», развязал ему руки, усадил на пенек и, прохаживаясь рядом, проводил первоначальный опрос, не забывая, разумеется, записывать оный на диктофон. Неподалеку, на расстеленном куске брезента, лежал магнитофон самого что ни на есть затрапезного вида.

– Стало быть, говоришь, в рабстве держали? – лениво вопрошал Василий.

– Да! Да! Голодом морили! Заставляли работать по шестнадцать часов в сутки! За малейшую провинность избивали палками до полусмерти, – жалобно и торопливо отвечал молдаванин. – Вот посмотрите, – он суетливо оголил спину, покрытую продолговатыми синяками, ссадинами и кровоподтеками.

– Выходит, заманил сказочными посулами и жестоко обманул. Так, Мирчо? – уточнил Филимонов.

– Так, так! Точно так! – часто закивал тот.

– А откуда, позвольте узнать, у несчастного «раба» паспорт, вид на жительство и прочие необходимые бумаги, при наличии коих самый сволочный мент моментально отвяжется и даже не подумает содрать с тебя взятку? – делано удивился капитан. – Сколько служу, впервые с таким сталкиваюсь! – С этими словами он протянул мне вышеуказанные документы.

– Действительно странно, – бегло их просмотрев, подключился к беседе я. – Сдается, мил человек, ты мал-мал привираешь! Но, предупреждаю заранее, зря стараешься! Слышал небось про «сыворотку правды»?!

Рабочий боязливо промямлил нечто утвердительное.

– Так вот – уколем разок, и выложишь все как на духу. Даже то, что сам давно забыл. Потом, правда, чувствовать себя хреново себя будешь. Как после зверского похмелья, помноженного раз в десять. А может, и помрешь во время допроса, если здоровье не ахти. Но тут уж ничего не поделаешь! Как говорится, лес рубят, щепки летят.

Лицо молдаванина посерело. Подбородок затрясся. Лоб покрылся испариной.

– Паспорт... и остальное... хозяин сунул... мне в карман... за минуту до отправления к вам, – запинаясь, выдал он. – А раньше ни разу в руках не держал... с момента трудоустройства.

– А трудоустроивался ты КУДА?! – вкрадчиво осведомился Сибирцев.

– Э-э... на п-п-пиротехнический завод. П-петарды делать. Ф-ф-фейервер-р-рки. – У Мирчо началась нервная икота, глаза забежали по сторонам.

– Врешь, сучий потрох! – с ненавистью прошипел Костя. – У нас исчерпывающая информация и о тебе, и о твоих поделщиках! Вы изначально знали, что будете мастерить взрывные устройства для террористов. Но это вас ни капельки не смущало. Главное – деньгу срубить! Рвались на работу к Саидову, как стоялые жеребцы к кобыле. Копытами от нетерпения сучили! Конкурсный отбор в Интернете проходили. Вот и дорвались... А то, что он вас надул по поводу оплаты (вместо обещанных трех тысяч в месяц платил всего по пятьдесят долларов) и маленько зачморил – сути дела не меняет. Вы однозначно соучастники преступления, попадаете сразу под несколько статей Уголовного кодекса, и церемониться с вами никто не станет! – Стиснув кулак, Сибирцев шагнул вперед (видимо, хотел ударить «заложника»), но в последний момент удержался от соблазна и, скрипя зубами, отступил назад. Молдаванин горько заплакал, неразборчиво бормоча о жене, детях, внуках, безработице в Молдове и о лукавом, который попутал.

– С ним все ясно, – вынес вердикт я. – Давайте послушаем запись и узнаем, какую каверзу замыслил господин Саидов.

Подобрав магнитофон, Филимонов нажал кнопку «play». Послышался едва различимый шепот, в котором лишь с огромным трудом удавалось разобрать отдельные слова.

– Наушники надо надеть. Без них Вы ничего не поймете, – робко сказал Мирчо, доставая оные из кармана. – Магнитофон старый, латаный-перелатаный. Это наш бригадный. Слушали иногда после работы.

– Неужто нормального не нашлось?! – возмутился я. – Неужто ваш хозяин такой жлоб?!

– Да, жлоб, – уныло подтвердил молдаванин. – За копейку удавится.

Выругавшись сквозь зубы, я перемотал пленку на начало и надел наушники.

– Привет, собака эфэсбэшная, – прозвучал в ушах насмешливый голос Саидова. – Ты небось удивлен, как я исхитрился сделать из соучастников – заложников. Объясню: 1. Все рабочие прибыли на территорию России официально, имеют виды на жительство (плюс прочие нужные бумаги) и зарегистрированы в молдавском посольстве в качестве высококвалифицированных специалистов, нанятых по контракту одной солидной фирмой. (Купить тамошних чинуш очень просто и недорого.) 2. Они уже позвонили по мобильному родственникам и друзьям, в целый ряд посольств ведущих натовских стран, а также на ультралиберальную радиостанцию «Эхо» и слезно объявили о своем заложническом статусе. Рассказали, как их, белых и пушистых, похитил некий Анвар Саидов и насильно обратил в рабство. А кроме того, предупредили – бездушные русские эфэсбэшники могут без зазрения совести пожертвовать жизнями полутора десятка несчастных пленников, дабы поймать или убить означенного Саидова. (В чем конкретно он провинился – заложники не уточняли.) Потом они горячо призвали мировую общественность посодействовать их освобождению, а если не получится – обратиться к правительству России с требованием сурово покарать убийц... Так вот, не знаю, как там тебя, я собираюсь использовать молдаван в качестве живого щита и спокойно уехать восвояси, как Басаев из Буденновска. Нет, автобусы предоставлять не надо. У меня тут есть удобный, милый грузовичок. На нем и прокачусь с ветерком. А стрелять сквозь живой щит тебе не с руки. Конечно, сама по себе Молдова – ноль без палочки, и ее граждане никому на Западе на хрен не нужны. Но сейчас... Гм! Какой прекрасный повод в очередной раз полить грязью Россию в целом и ФСБ в частности. Ни США, ни Европа, ни ваши собственные либералы его не упустят! В общем, собака, деваться тебе некуда! И последнее – умирать тебе рано. Ведь ты должен предупредить подчиненных, чтобы нас пропустили. Поэтому скажу по секрету – в магнитофон вмонтирована хитрая, миниатюрная бомбочка приличной мощности, которую не обнаружит ни один прибор. Эта запись не

предназначается для широкой общественности. Через пять секунд после ее окончания моя малютка взорвется. Советую поторопиться, придурок. Аривидерчи!..

– Ложись! – крикнул я, срывая наушники и отбрасывая магнитофон в кусты. (Полторы секунды.)

– Блин! – упругие ветки отпружили его обратно прямо мне в руки (две с половиной секунды).

«Все, приплыли! – отстраненно мелькнуло в голове. – Дурацкая смерть, ничего не скажешь!» Как в замедленной съемке перед глазами проплыли: окружающие деревья, покрытые сочной листвой, лежащие на траве Филимонов и Сибирцев. (Ладони на затылках. Рты раскрыты. Грамотные ребята!) И крупным планом – выпяченный зад молдаванина, уткнувшегося носом прямо в костровище.

– Вспышка сверху! – отчаянным усилием я метнул магнитофон в просвет между деревьями, одновременно падая на землю.

– Бу-бу-у-у-ух! – раскатилось в окрестностях. Что-то острое с силой долбануло меня в лоб. Окружающая реальность потемнела, покрылась глубокими трещинами и пропала...

Глава III

– Заходи, служивый, гостем будешь, а может, навсегда останешься!

Со спины девушка казалась весьма привлекательной. Осиная талия, полные бедра, длинные ноги, густые распущенные волосы до пояса. Вот только платье у нее какое-то странное – хорошо пошитое, с соблазнительными разрезами по бокам, но вместе с тем из грубой белой материи, заляпанной бурыми пятнами и местами поточенной молью. Она шла впереди меня по направлению то ли к дому, то ли сараю невероятных размеров. Строение вытянулось в длину на пологой каменистой возвышенности и уходило обоими концами куда-то в бесконечность.

– Ты кто? – спросил я девушку.

– Скоро узнаешь, – лаконично ответила она, немного убыстряя шаги.

«Симпотная вроде бабенка, и чем-то очень знакомая, – подумал я. – Мы с ней определенно встречались. Причем неоднократно! Но где? Когда?»

Моя провожатая тем временем достигла здания, извлекла прямо из воздуха большой железный ключ, вставила в амбарный навесной замок и без усилия повернула. Раздался противный, ржавый скрежет.

– Заходи! – Она распахнула скрипучую дверь, резко обернулась, и из моей груди непроизвольно вырвался сдавленный вопль. Роскошные, длинные волосы обрамляли голый, подгнивший череп с багровыми огоньками в пустых глазницах. Безгубый рот хищно скалился длинными, острыми зубами. В носовой впадине шевелились белесые черви. Платье спереди было распахнуто, и под ним виднелись желтоватые кости скелета. А в сарае лежали вповалку бесчисленные человеческие трупы. Каждый сжимал в окоченевшей руке дощечку с огненной надписью «Груз-двести».

– Чего рожу-то кривишь?! – хрипло хохотнула Смерть. – Али не нравлюсь? Но ведь ты долго ждал Меня, а прошлой осенью откровенно искал. Буквально из кожи вон лез. (См. «Бросок кобры»). Ну а теперь иди сюда, уставший от жизни воин. Дай-ка обниму тебя на радостях! – Костлявые руки с железными когтями на лишенных плоти пальцах жадно потянулись ко мне. В ноздришибанул противный едкий запах. Я захрипел, закашлялся и... открыл глаза. Надо мной склонился Филимонов с пузырьком нашатырного спирта в руке. Голова трещала и звенела от боли. В глазах мутилось. Откуда-то неподалеку доносились жалобные крики и причитания:

– Ох, помираю!!! Ох, тяжело мне, несчастному. Пропадаю ни за грош. Люди добрые, помогите!..

Голос крикуна казался знакомым, но я не мог вспомнить, кому именно он принадлежит. Неужто одного из наших сотрудников так развезло. Боже, какое позорище!..

– А я и не думал, что подействует! – встретившись со мной взглядом, искренне удивился Василий.

– Ты о чем? – еле слышно спросил я.

– О нашатыре, – охотно пояснил капитан. – Тебя крепко садануло куском магнитофона в лоб. Ты моментально отрубился. Рана не опасная, кость целая, но мы никак не могли привести тебя в чувство. «Дай ему нашатыря понюхать», – велел тогда Сибирцев и отправился принимать командование объединенной группой. Приказы надо выполнять. Я и дал. Хотя крепко сомневался в эффективности такого лечения. Однако помогло...

«Сибирцев... принимать командование? Ах, ну да! Он же после меня старший здесь и по званию, и по негласной табели о рангах», – вяло промелькнуло в ушибленном мозгу.

– Подсоби подняться, – прошептал я.

Подхватив под руки, Филимонов бережно усадил меня спиной к ближайшему дереву.

... –Ой, помираю вдали от родного дома! Ой, больно! Ой (дальше шло плаксивое слово не по-русски)... – передохнув несколько секунд, вновь заблажил «крикун». – Прощайте, нерадивые деточки, прощайте, любимые внучики! Прощай и ты, Радика, змея подколотная! Много крови ты из мужа выпила, но напоследок я тебе скажу...

– Кто там орет? – поморщился я.

– Да молдаван наш, заложник типа, – усмехнулся Василий. – Ему осколок в жопу попал. На излете в правую ягодицу. Но он вообразил, будто смертельно ранен, и с тех пор надрывается. Минут уж десять, наверное.

«Десять минут? А казалось, прошли годы!» Я потрогал забинтованный лоб, провел ладонью по залитому кровью лицу и тихо спросил:

– Осколок вынули? Тампон ему дали?

– Да на фиг он сдался! – возмутился капитан. – Возиться еще со всякой дрянью.

– Сделай, как я сказал. И успокой. А то впрямь помрет со страху. А потом – стереги пуще глаза. Не дай Бог удерет!

Я предпринял попытку встать на ноги, но ничего не получилось. Ватное тело отказывалось повиноваться хозяину. Странно! Раньше я и при гораздо более серьезных ранах прыгал как зайчик! А теперь... Что со мной происходит?! Или любезное приглашение Смерти было не просто галлюцинацией?!

– Филимонов! – негромко окликнул я.

– Да? – на ходу обернулся он.

– Вызови по рации двух ребят. Любых! Мне надо на край «зеленки», а ноги не слушаются.

– Хорошо.

Василий бросил в «Кенвуд» несколько слов и, как было приказано, занялся лечением и успокоением молдаванина. Правда, весьма своеобразно.

– Заткнись, чмо! – грозно прикрикнул он на «умирающего». – Разорался, блин, как кот недокастрированный. С родными, блин, прощается! Ух, падла сраная! Удавил бы на хрен!

Мирчо испуганно притих.

– У тебя осколок в жопе торчит. Всего-то навсего, – более спокойным тоном пояснил капитан. – На, возьми тампон. Прижмешь дырочку, когда выдерну. Ну-с, приступаем к операции. Раз, два... три!

– И-и-и-их! – по-женски взвизгнул «заложник».

– Слабак! – презрительно сплюнул Филимонов. – Там крови, от силы несколько капель. А глубина «раны» меньше сантиметра. Вот, полюбуйся! – он сунул молдаванину под нос злополучный осколок и, дав ему возможность насладиться лицезрением, продолжил: – Вторую ручонку положи на первую, которая тампон держит. Отлично. А теперь фокус-покус...

– Щелк! – Василий ловко застегнул наручники на сведенных вместе кистях и благодушно посоветовал: – Лежи, чмо, отдыхай! Восстанавливай силы. Шевельнешься – пристрелю!

Ободренный таким образом, Мирчо застыл как изваяние, разинув рот и выпучив глаза. На поляне появились капитан Горошко и старший лейтенант Прокофьев (тоже из нашего отдела). Повязка на предплечье Андрея набухла кровью.

– А справишься? Во мне больше центнера, – взглянув на его руку, усомнился я.

– Не волнуйся, – беспечно улыбнулся Андрей. – Царапина пустяковая. Ну, старлей, давай аккуратнее!

Вдвоем они привели меня в вертикальное положение и, закинув мои руки себе на шею, повлекли прочь от поляны, где расселся на пеньке праздный Филимонов с сигаретой в зубах и дико таращил глаза окаменевший от ужаса «заложник». Первые метры ребята фактически

тащили меня на себе. Потом онемевшее тело стало потихоньку оживать, и я начал помогать им, с грехом пополам переступая заплетающимися ногами.

– А где все остальные? – спустя некоторое время поинтересовался я. – По-прежнему рассыпаны по «зеленке»?

– Разумеется, нет, – с некоторым недоумением глянул на меня Горошко. – Согласно приказу они рассредоточились вдоль дороги, ведущей от заводика в город. Саидов объявил в мегафон, что скоро «прокатится по ней с ветерком» в окружении так называемых заложников. И еще спросил Сибирцева: «Ты хорошо понял ситуацию, командир?» Чертов абрек, похоже, окончательно спятил!

«Сибирцев не слышал магнитофонной записи! – вдруг всплыло в прояснившейся голове. – И никто ее не слышал, кроме меня! Костя не станет церемониться с „заложниками“. Тем паче с молдаванами, к которым у него особый счет! Покрошит „живой щит“ не раздумывая. Саидов же, в свою очередь, не знает, что операцию возглавляет теперь другой человек, даже не подозревающий о его изощренной каверзе! А информация во враждебные посольства и СМИ уже ушла. Они там давно скулят от нетерпения. Ждут не дождутся повода лай поднять!!! Надо срочно предупредить Сибирцева, пока не наломал дров. Иначе потом костей не соберем!!!»

– Рацию... Дайте рацию! Скорее! – прохрипел я.

– У нас нет, – ответил за двоих Горошко. – А твоя осталась на поляне. Можно послать за ней старлея, но она, если не ошибаюсь, пострадала при взрыве. Вряд ли работает...

– Прокофьев, бегом на поляну, – ощущая противный холод внизу живота, распорядился я. – А ты, Андрей, продолжай тащить меня к краю. Кстати, ты знаешь, где находится сейчас Сибирцев?

– Нет.

– Бли-и-и-ин! – в отчаянии простонал я. – Во влипли-то!

– А в чем дело? – не понял Филимонов. – Все вроде бы идет нормально. Саидова, пускай и спятившего, однозначно возьмут! ТАКОЙ «живой щит» ему не поможет.

В ответ я лишь громко скрипнул зубами и до предела напряг слух, стараясь уловить, не бежит ли обратно старлей. Прошло секунд двадцать. Послышался легкий шорох, рядом с нами возник из-за деревьев запыхавшийся Прокофьев и протянул мне перепачканный землей «Кенвуд» со свежей вмятиной на боку.

– Я попробовал включить на бегу – без толку, – виновато сообщил он. – Не знаю, товарищ майор, может, у Вас получится?..

Не получилось! Ни у меня, ни у Горошко. Рация была безнадежно мертва.

– Сволочь! – одними губами прошептал я. – Проклятая железка! Ну надо же! В самый неподходящий момент...

– Что случилось, Дмитрий? – не на шутку встревожился Горошко.

– Вперед!!! – не отвечая, прохрипел я. – К тому месту, где мы давеча лежали... (Поскольку отказала рация, я рассчитывал воспользоваться мегафоном и успеть остановить бойню.) Шевелитесь, оба!!! Быстрее, блин!!!

Горошко с Прокофьевым удвоили усилия и вытащили меня к месту прежней лежки.

Мегафона там не было и в помине.

– Где!!! Он!!!

– Кто?

– Мегафон!!!

– Так Сибирцев наверняка забрал, – пожал плечами Андрей. – Он же теперь командует. А другого «матюгальника» у нас нет.

«Судьба! – обреченно подумал я, опускаясь на траву и поднося к глазам бинокль. От нее не уйдешь!.. Ладно, будем молча наблюдать за последним актом трагедии. Авось свершится чудо?!!»

Последний акт не заставил себя долго ждать, однако чуда не произошло. Спустя примерно минуту ворота заводика распахнулись. Наружу выехал небольшой, крепенький грузовичок со странным, почти квадратным кузовом. В кабине сидели три вооруженных боевика (остатки саидовских головорезов), а в кузове плотным квадратом стояли злополучные молдаване. Для пущей убедительности... (заложники, блин!) с задранными вверх руками. Сам господин Саидов, надо полагать, находился внутри этой своеобразной ограды.

– Стоять! – рявкнул в мегафон Сибирцев.

Грузовичок как ни в чем не бывало продолжал движение. В следующий миг боевики в кабине бесшумно умерли. Выпущенные из «валов» пули фактически снесли им головы. Одновременно зашипели пробитые шины. Автомобиль криво дернулся в сторону и остановился, уткнувшись капотом в невесть откуда взявшийся на пустыре валун.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.